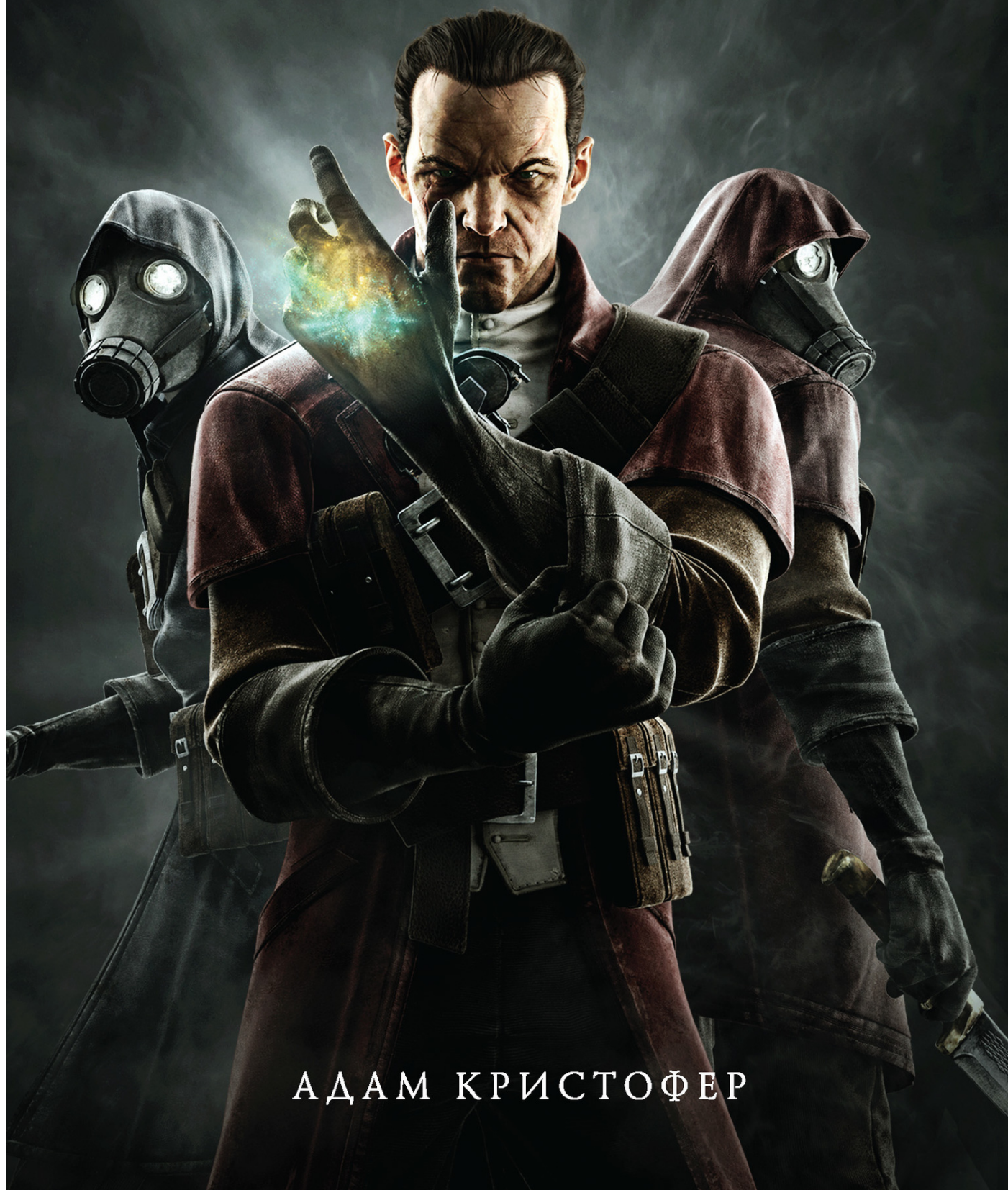

ОФИЦИАЛЬНАЯ СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА
ОТМЕЧЕННОЙ НАГРАДАМИ ИГРОВОЙ САГИ

DISHONORED®

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАУДА

АДАМ КРИСТОФЕР

DISHONORED

Адам Кристофер

DISHONORED:
Возвращение Дауда

«АСТ»

2018

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Кристофер А.

DISHONORED: Возвращение Дауда / А. Кристофер — «АСТ»,
2018 — (DISHONORED)

Дауд, легендарный убийца, вернулся в Дануолл, на улицах которого царят беспорядки. Он ищет магическое оружие – говорят, оно настолько сильно, что им можно уничтожить Чужого, и убийца ни перед чем не остановится, чтобы завладеть артефактом. Но есть те, кто следит за каждым его движением. Путешествуя по Островам во время своей миссии, Дауд вскоре поймет, что старые враги только и ждали его возвращения. Но и новые враги времени не теряют...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Кристофер А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Адам Кристофер

Dishonored: Возвращение Дауда

Adam Christopher

DISHONORED: THE RETURN OF DAUD

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.

TITANBOOKS.COM

© 2018 Bethesda Softworks LLC.

Dishonored, Arkane, ZeniMax, Bethesda, Bethesda Softworks and related logos are registered trademarks or trademarks of ZeniMax Media Inc. in the U.S. and/or other countries.

All Rights Reserved.

Пролог Бездна

4000 лет назад

«Обычное дело: предположим, человек перестал дышать, попав под колеса экипажа, или случилась иная трагедия – и его сочли мертвым. Однако стоит убрать гнет с его груди, как пострадавший мигом приходит в себя! Хотя за несколько мгновений до этого он умер для нас и был потерян для этого мира.

Что же люди ощущали в момент такой временной смерти? Тьму? Небытие? Как бы не так! Как и многие до них, они рассказывали, что побывали в некоем особом месте, и могли ярко описать его.

Кто из нас не знаком с ним? Разве все мы не видели его во снах? Это наш общий опыт, почти за гранью разума. Мир, в котором все лишено смысла, где человек одновременно чувствует себя потерянным и обретает дом. Это Бездна».

– **БАРНОЛИ МУЛАНИ, «ШЕПОТ БЕЗДНЫ»**

Трактат о физическом существовании потустороннего мира (отрывок)

Место это создано лишь из камня и пепла, наполнено лишь холодной тьмой, пахнет лишь ржавчиной и разложением, и во рту оно оставляет лишь острый и кислый привкус страха.

Мальчик глядит в небо... хотя это вовсе не оно. Вместо неба наверху колеблется пелена серого дыма, тяжелая и зловещая, она тянется отсюда до самого края мира. Лишь ее различает мальчик, да еще две витые колонны из битого камня, что подобно окаменелым древесным стволам переплетаются над плитой, на которой он лежит. Руки, что сжимают его голову, так же тверды, как и алтарь под затылком, – и так же холодны. Когда мальчик пытается повернуться, пальцы сжимают его виски так сильно, что кажется, будто череп под давлением треснет.

Так что мальчик лежит неподвижно, уставившись в ничто наверху, в не-небо, что простирается над этим проклятым местом, в этом «нигде».

В Бездне.

Алтарь страшно холоден, а камень, из которого он сделан, столь древний, что больше похож на отполированное железо. Его будто высекли из единого куска черного металла, вроде того, что находят в сердцах упавших звезд. Холод проникает в плоть мальчика и пробирает его до костей, заставляет дрожать так, будто тот лежит на льду.

Он пытается пошевелить руками, но они связаны. Его ноги также стянуты веревкой, настолько плотной и грубой, что при малейшем движении ее волокна впиваются в кожу и причиняют жгучую боль – нестерпимую, как и холод, идущий от алтаря. Мальчик шевелит пальцами, но им не за что зацепиться, нечего ухватить – лишь золотые кольца звякают, когда он царапает камень.

Сначала он бился, боролся изо всех сил с культистами, скрывающими лица в капюшонах цвета свинца, что тащили его по пологой каменной лестнице и укладывали на алтарь. Но это было бесполезно. Их было так много, так много рук сжимали его тело, пока он еще не обессилен, пока корчился и кричал, кричал, кричал... они держали его железной хваткой. Когда его привязывали к плите, он продолжал сражаться, но борьба лишь зря отнимала силы.

Привязав жертву, культисты отступили. Мальчик поднял голову и смотрел, как они собираются по обе стороны от каменных ступеней, склонив головы и пряча ладони в свисающих длинных рукавах. Он вновь начал кричать: грудь его вздымалась, когда легкие наполнялись

ледяным воздухом, но мужчины глазели на жертву, сохраняя молчание. Когда мальчик обессилен и опустил голову обратно на алтарь, в нее вцепились две руки и прижали затылок к плите.

Теперь он может лишь моргать. Даже если время движется здесь, он не в силах следить за его движением: разум затуманен тошнотворными сладкими зельями, которые его заставили выпить, и цветным дымом с кислым запахом, которым его заставляли дышать, прежде чем принесли сюда, в это ужасное «нигде». Теперь, после драки, когда последние силы высосал холод, у мальчика начинает кружиться голова – кажется, что сама Бездна вращается вокруг него.

Он пытается вспомнить свое имя. Бесполезно. Он пытается вспомнить, сколько же ему лет, – он знает, что молод, и цепляется за это знание, хотя и потерял счет годам. Ему пятнадцать? Двадцать? Возможно, больше. Он не помнит, и чем больше напрягает память, тем больше забывает.

Теперь он видит, что над ним из-за оголовья алтаря склоняется мужчина. Потом мужчина отворачивается, и мальчик больше его не видит, но слышит шорох его одеяния и глухой звук шагов.

А затем раздается иной звук – скрежет металла о металл. Мужчина возвращается в виде черной тени, что загоразивает не-небо. Тень движется, и мальчик видит, как что-то вспыхивает в руках мужчины, высоко занесенных над головой. Яркий бронзовый блеск. Внезапная вспышка пугает мальчика – он не ожидал увидеть здесь нечто подобного цвета.

Это нож с двумя длинными параллельными лезвиями, они сияют и отбрасывают всполохи света, который кажется потусторонним. Яркого света, который сначала белый, а потом превращается в оранжевый и красный. Будто нож медленно вращается перед гигантским костром... в то время как его неподвижно держит мужчина в плаще. Остальные – те, кто собрался вокруг алтаря и ступеней, – молчаливо ждут, повернув раструбы капюшонов к творящемуся жертвоприношению.

Мужчина, который сжимает Двудольный Нож, бормочет что-то, но мальчик не слышит его. Голову жертвы наполняет звук плачущего ветра. Страх внутри мальчика внезапно разбухает, и он чувствует себя так, будто падает в глубокий темный колодец. Кишки сводит, горло заливают горькая желчь, и он находит в себе силы сделать еще один рывок, будто это имеет какой-то смысл.

Но рваться бесполезно. Веревки крепко держат – так же, как и руки, сжимающие голову. Мальчика заставляют запрокинуть подбородок, и теперь он видит лицо мужчины, держащего нож. Лицо своего палача.

Затем он видит вспышку – похоже на молнию, хотя грома нет. Мальчик моргает, и слезы текут из-под век, а свет продолжает разгораться. Он не понимает, что это: свет Бездны, или его собственный бред, или это невозможное сияние исходит от ножа.

Мальчик кричит.

Культист вновь что-то бормочет, отводя чуть в сторону высоко занесенное оружие.

Затем нож опускается вниз, вспарывая шею мальчика. Его крик обрывается и сменяется свистящим бульканьем. Ноги жертвы дергаются, пальцы скребут по жесткой поверхности алтаря, которая быстро становится скользкой от крови. А потом он затихает. Мальчик лежит, уставившись на ничто в вышине, пока жизнь ускользает прочь.

Он умирает.

И рождается нечто ужасное.

ЧАСОВНЯ СЕСТЕР ОРДЕНА ОРАКУЛОВ,

БЭЙЛТОН, ГРИСТОЛЬ

14-й день месяца Песен, 1851 год

«Немало рассказывают о слепых сестрах ордена Оракулов, но на самом деле глаза их видят не хуже, чем ваши или мои. Тем не менее сестры тщатся обрести слепоту пред лицом легкомыслия и развлечений. Если же обстоятельства вынудят, сестры выйдут к нам с богато украшенными повязками на глазах. Именно таким способом они сохраняют «готовность видеть ясно».

– «ОБ ОРДЕНЕ ОРАКУЛОВ»

Дуглас Харвикл, историк

Клуатр Пророчества представлял собой большой круглый зал, расположенный в самом центре часовни сестер ордена Оракулов. Именно отсюда расходились семь крыльев здания. Ярko-белый камень, из которого были сложены стены клуатра, умело обтесали так, чтобы образовать комнату идеальной геометрической формы, а высокий сводчатый потолок создавал иллюзию, будто зал находится на открытом воздухе.

Вокруг центрального возвышения были расположены шесть прямоугольных плит из черного мрамора, собранные таким образом, чтобы плотно примыкать к стенам в арках клуатра. Перед пятью из них преклонили колени на черных подушках пять сестер в безупречных туниках бело-серебристого цвета с высоким воротом. Хотя глаза скрывались под красными церемониальными повязками, те служили скорее данью традиции и символической деталью одеяния, чем действительно выполняли ту функцию, для которой были изначально созданы. На самом деле каждая из сестер могла беспрепятственно сосредоточить внимание на девушке из ордена, что стояла на коленях на красной подушке в центре зала, на возвышении.

Рядом с шестой плитой находилась сестра, не похожая на остальных. Она была одета в длинную черно-красную тунику. Эта была Верховный Оракул Пелагия Фемида собственной персоной, и надо сказать, что ее присутствие на церемонии Пророчества было весьма редким событием. Но она находилась здесь с особой целью: к данному моменту сестры были на своих местах вот уже несколько часов, церемония проходила как подобает и именно так, как планировала Верховный Оракул.

И это было... скверно.

Сестра Кара, склонившаяся перед красной подушкой на центральном возвышении, хмурилась. Она раскачивалась, стоя на коленях, а губы беззвучно шевелились, будто она зачитывала слова, возникающие внутри головы.

– Сестра Кара!

Та дернулась назад от оклика, едва не соскользнув с подушки, и повернулась в сторону Верховного Оракула. Потом потянулась к подушке, чтобы устроиться поудобнее. Колени горели от боли: прошло уже несколько часов в попытках – бесполезных попытках – прочесть Пророчество.

– Да, Верховный Оракул?

– Дар пророчества, коим обладают сестры ордена Оракулов, драгоценен, – проговорила Пелагия. – Мы несем на плечах его тяжесть, осознавая: это не сила, но величайшая ответственность. Посему дар нельзя растрачивать зря. Слишком многое зависит от того, какую информацию мы предоставим нашему брату, Верховному смотрителю.

Сестра Кара склонила голову:

– Да, Верховный Оракул.

Пелагия кивнула, затем перевела глаза налево:

– Ты готова приступить, сестра Беатрис?

Беатрис поднялась с подушки и потянулась к предмету, который стоял рядом с ней на полу. Это было небольшое устройство из металла и дерева с длинным медным раструбом, направленным в сторону возвышения и сестры Кары – аудиограф. Беатрис разорвала последнюю перфокарту с записью, достав ее из отверстия в боку устройства. Потом осторожно вытащила наружу свежую из рулона, что покоился внутри машины, и подтянула ее край к записывающим иглам. Удовлетворившись сделанным, она опустила обратно на подушку, протянув руку к рычагам управления.

– Готова записывать, Верховный Оракул.

Пелагия вновь повернулась к возвышению.

– Что ж, попробуем снова, сестра Кара. И мы будем пытаться до тех пор, пока пророчество не будет провозглашено.

Кара склонила лицо с повязкой на глазах к самому полу.

– Простите, Верховный Оракул. Пророчество... сложное.

Пелагия поджала губы. Слова Кары полностью отражали правду – ритуал Пророчества был сложен, этот навык требовал годов практики и целой жизни, посвященной ему. Между тем сестра Кара была новичком – она присоединилась ордену в Бэйлтоне всего год назад. Для столь неопытной сестры участие в ритуале было неслыханным, но именно по этой причине Пелагия и использовала ее.

О настоящей причине своего визита она умолчала. Ни сестре Каре, ни другим присутствующим Верховный Оракул не сообщила, что прибыла сюда вовсе не для того, чтобы посмотреть, как юная сестра пытается озвучить свое первое пророчество. Нет, она была здесь, чтобы собрать данные, которые подтвердили бы теорию... ту, что завладела всеми ее мыслями на протяжении последних нескольких недель.

Пророчества... что-то вносило в них помехи. Это было единственным термином для описания происходящего. Так или иначе, предсказанное сестрами не сбывалось – Пелагия потратила несколько месяцев, изучая пророчества, отправленные Верховному смотрителю в Дануолл. Она даже изучала оригинальные записи аудиографа, чтобы убедиться, что они были расшифрованы без ошибок и без подтасовки смыслов.

Но факты говорили сами за себя: что-то шло не так, и это «что-то» окажет влияние не только на орден Оракулов, но и на всю Империю, если проблему вовремя не определить и не искоренить. Пророчества, сделанные сестрами, использовались для множества целей и помогали государственным мужам принимать важные решения. Они служили для объявления войны и заключения мира, для ведения переговоров между народами Островной Империи, их использовали для того, чтобы планировать посевную, противостоять природным катастрофам или даже предсказывать погоду.

Судьба мира – его история – определялась теми сообщениями, что сестры отправляли Верховному смотрителю Юлу Хулану в Аббатство Обывателей. Он, в свою очередь, изучал пророчества и распространял важную информацию, что содержалась в них, среди заинтересованных лиц по всем Островам. Сестры из ордена Оракулов были самой влиятельной группировкой в Империи.

Именно поэтому помех в их работе просто нельзя было допускать. Именно поэтому Пелагия прибыла в Бэйлтон, в часовню маленького города на западном побережье Гростоля, куда ни разу за всю историю ордена не ступала нога Верховного Оракула. И Кару, самую неопытную из сестер, она выбрала для провозглашения пророчества по той же причине. Недостаток опыта и тренировок, как надеялась Пелагия, позволит раскрыть механизм помех. Незашоренный,

восприимчивый разум новичка открыт для того, чтобы увидеть и прочесть истину, в большей мере, чем у других Сестер – натренированных, опытных, дисциплинированных, которые уже научились пренебрегать помехами или подстраиваться под них.

Именно такой была теория Пелагии.

– Да, – произнесла она. – Ритуал Пророчества непрост. Но неужели ты ожидала иного, сестра Кара?

– Я... Простите меня, Верховный Оракул.

Пелагия вздохнула. Пять остальных сестер стояли на коленях вокруг, и Верховный Оракул не сомневалась в том, что их тела были измучены и молили об отдыхе. Однако это были самые опытные сестры в часовне Бэйлтона, привыкшие к неудобствам. Они были борцами и атлетами в той же мере, что и пророчицами, ибо тренировали тело так же сосредоточенно, как и разум. Лишения являлись привычной частью их жизни.

– Тебе не за что просить прощения, сестра, – сказала Пелагия. – Но если ты хочешь полностью посвятить себя ордену, если хочешь принадлежать ему, ты должна изучить ритуал Пророчества. Ты должна научиться направлять свой ум, грезить о Бездне, глядеть сквозь нее, чтобы суметь прочесть будущее. Помни, что мы здесь для того, чтобы помочь тебе. Семь сестер – все вместе мы часть ритуала. Так что сконцентрируйся и, опираясь на нашу мощь, стань сильнее.

Пелагия замолчала на мгновение. И продолжила:

– Я Верховный Оракул. Я здесь для того, чтобы указать тебе путь. Возьми мою силу и прочти грядущее.

Сестра Кара склонила голову, потом подняла ее и обратила лицо к потолку.

– Да, Верховный Оракул. Я готова.

– Хорошо, – сказала Пелагия. – Тогда мы вновь начнем. Сестра Беатрис, возобнови запись.

Беатрис кивнула и передвинула рычаг активации на аудиографе. Машина вернулась к жизни, и тихий клекот записывающих игл зазвучал, отражаясь от сводчатых стен клуатра, будто далекий дождь. Перфокарта медленно выползала наружу из отверстия на боку устройства.

Сестра Кара приподнялась на возвышении, затем опустилась на подушку, держа руки на бедрах. Она размяла шею и закрыла глаза под красной повязкой.

– Верховный Оракул ведет тебя, сестра, – прошептала Пелагия. – Тебе нечего бояться. Пусть будущее явит себя.

Остальные сестры молчали. Аудиограф тихо потрескивал. Коротко дыша сквозь стиснутые зубы, Кара начала слегка раскачиваться.

– Расслабься, сестра, расслабься, – проговорила Пелагия. – Открой свой разум и позволь ритуалу Пророчества привести тебя к свету. Расслабься, расслабься, расслабься...

Шея Кары вновь изогнулась, потом пальцы сжались в кулаки. Закинув голову назад, она зажмурила закрытые глаза еще сильнее, а ее лицо исказилось в гримасе.

Аудиограф жужжал, а сестры – и их Верховный Оракул – ждали от Кары образа будущего.

День превратился в ночь, и в Клуатре Пророчества стало темно. Семь сестер продолжали стоять на коленях, а тем временем еще одна из членов ордена проскользнула внутрь и зажгла четыре старинные лампы, заправленные китовым жиром, что стояли по сторонам света у стен зала. Потом она исчезла, чтобы не мешать ритуалу.

Верховный Оракул и сестры ждали. Не будет ни отдыха, ни еды, ни воды, пока Пророчество не сделано.

Прошел еще час.

А потом сестра Кара начала хватать ртом воздух, глубоко и жадно дыша, будто вынырнула из глубокого бассейна с ледяной водой. Слева от Верховного Оракула сестра Хатена вско-

чила, уставившись в центр зала. Затем она обернулась к Пелагии, и глаза ее под повязкой были расширены от ужаса.

«Да», – подумала Пелагия. Она тоже чувствовала их.

Помехи.

Верховный Оракул наблюдала, как сестра Кара поднималась и падала на колени, вновь поднималась и вновь падала. Пелагия чувствовала, что сестра Хатена смотрит на нее завязанными глазами, и подозревала, что страх той уходит. А взамен его растет злость, по мере того как Хатена начинала понимать план Пелагии.

Да, она знала, что нарушила все протоколы и традиции, выбрав Кару для оглашения пророчества. И она также знала причины возникновения этих традиций. Ритуал Пророчества был не только трудным – для недостаточно подготовленной сестры он мог быть опасным. Без предшествующих ему годов тренировок неподготовленный разум мог забрести слишком далеко в лабиринт Бездны, следуя за видениями и песнями, что исходят не из будущего, а из собственного подсознания пророка.

Без должной подготовки разум мог заблудиться навсегда. Пелагия знала об этом риске, и остальные тоже знали. Только они не знали, что этот риск был оправдан. На кону стояло будущее ордена. В конце концов, Пелагия Фемида была Верховным Оракулом, а слово Верховного Оракула – закон. Она отбросила чувство вины, проигнорировала долгий взгляд сестры Хатены и сфокусировалась на одной из практик ордена, повторяя в уме Семь Запретов, дабы очистить чувства. Затем, почувствовав, что контроль над эмоциями вернулся, сестра Пелагия вздернула подбородок и заговорила. Ее слова были первыми, что записал аудиограф за много, много часов.

– Скажи нам, сестра, – тихо проговорила Пелагия. – Скажи нам, дитя. Скажи нам, что ты видишь. Пусть пророчество говорит через тебя. Позволь будущему стать явным, взгляни на него очами разума.

Кара открыла глаза. Пелагия сумела различить их сквозь повязку – остекленевшие, расфокусированные. В конце концов у Кары получилось.

Она содрогнулась.

– Я вижу... вижу...

Кара задышалась.

Другие сестры вскочили с подушек, но Пелагия не обратила на них внимания. Тем временем Хатена глядела на Верховного Оракула, не отрываясь.

– Скажи нам, сестра, – продолжила Пелагия. – Истолкуй пророчество и позволь нам всем узнать о нем.

– Я вижу...

– Говори, Кара, говори.

Кара вновь будто захлебнулась воздухом, поднимаясь с колен. Теперь сестра Беатрис обменялась взглядами с сестрой Хатеной. Палец Беатрис застыл над рычагом аудиографа. Пелагия, не отрывая глаз от возвышения, протестуяще взмахнула рукой.

– Продолжай запись, Беатрис. Мы близко. Мы очень близко.

– Оракул! – сказала Хатена, вцепившись в подушку. – Оракул, это неправильно. Мы должны остановить ее.

Пелагия шикнула на нее, поднялась с колен и вновь обратилась к сестре на возвышении:

– Кара, говори! Скажи нам, сестра, что ты прочитала в будущем.

Кара с трудом втянула воздух вот уже в третий раз и упала на подушку, неловко подогнув ноги. Она начала вращать головой из стороны в сторону, будто пес, который прислушивается к голосу хозяина. Пелагия смотрела на то, как на щеках Кары напряглись желваки, а челюсти сжались так сильно, словно сестра пыталась стереть собственные зубы в порошок. Кара начала

бить себя кулаками по бедрам, а между сжатыми пальцами сочилась кровь – она глубоко вонзила ногти в мякоть ладоней.

– Сосредоточься, Кара! Сосредоточься!

Хатена покачала головой и поднялась со своего места. Нарушение протокола ее уже не волновало.

– Верховный Оракул Пелагия, остановите это! Прекратите. Сейчас же.

Пелагия оставалась на месте.

– Кара, слушая меня...

В этот момент Кара закричала. Затем поднялась и... И засмеялась.

– Я вижу это! – она вскинула руки, и по ее лицу зазмеилась ухмылка. – У меня получилось!

К этому моменту те четыре сестры, что ранее оставались столь же безмолвны и неподвижны, как и мраморные плиты позади них, заволновались. Сначала они переглянулись, потом посмотрели на Верховного Оракула, затем вновь на сестру на возвышении.

– Скажи нам, сестра! – настаивала Пелагия. – Огласи пророчество.

– Я... – Кара уронила руки и вновь опустила голову. Устремилась всем телом вперед, вытягивая спину и вертя шеей из стороны в сторону. – Я вижу... вижу...

– Скажи нам.

– Я вижу тени, – теперь Кара говорила зловещим свистящим шепотом. – Много теней, синих и темных. Я вижу... впереди путь, дорога вперед, однако проход закрыт. Завеса. Пелена. Синяя вуаль. Вуаль... она движется. Я вижу... руки? Я вижу много рук. Они движутся за вуалью. Толкают ее. Царапают. Тянут ее на себя, тянутся, тянутся...

– Да, Кара, – сказала Пелагия. – Тянутся. Они тянутся к тебе, Кара. Иди к ним!

– Оракул! – Хатена разорвала круг, сойдя со своего места в сторону Пелагии и глядя на нее. – Пелагия, это ересь. Я чувствую ее! Прекратите это, пока мы не потеряли Кару.

Пелагия не обратила внимания на эти слова. Там, на возвышении, Кара вертелась на подушке, поднималась и падала, ее прерывистое дыхание становилось все чаще. Она то сжимала, то разжимала кулаки, и на белой ткани туники расплывались пятна крови.

– Я вижу вуаль... Я вижу вуаль... Я вижу вуаль. Руки тянутся... руки тянутся...

Из носа Кары поползла тонкая кровавая дорожка. Она, казалось, не замечала, что кровотечение все усиливается, а губы и верхние зубы становятся багровыми.

Хатена развернулась. Прежде, чем Пелагия успела ее остановить, сестра запрыгнула на возвышение перед Карой. Та даже не заметила Хатену рядом с собой, продолжая раскачиваться и завывать:

– Я вижу вуаль... вижу вуаль. Много рук!

Хатена опустилась на колени, чтобы оказаться на одном уровне с Карой, и ухватила ее за запястья. Потом потянула юную сестру за руки к себе, но та начала отбиваться, и на мгновение тела женщин сплелись, будто схватились равные по силе борцы. Но в конце концов Хатена разжала хватку и упала назад, на ступени, ведущие к возвышению. Она приземлилась напротив Беатрис, ударившись о раструб аудиографа, и почти тотчас приподнялась, опираясь на ладони.

– Кара, послушай меня! Найди путь и возвращайся к нам! Там нет пророчества. Возвращайся обратно к своим сестрам.

– Много рук... много рук... Синий свет, такой синий...

Хатена вскочила на ноги и, содрав красную повязку с глаз, стала озираясь по сторонам.

– Да что с вами со всеми? Кто-нибудь поможет мне?

Остальные обменивались взглядами, но не двигались с места. Хатена обернулась к Верховному Оракулу Пелагии, что стояла напротив нее.

– Верховный Оракул, пожалуйста! Остановите это!

Пелагия посмотрела над плечом Хатены на сестру Кару, которая корчилась на возвышении, шепча кощунства, а кровь продолжала бежать у нее из носа – теперь и изо рта, из ушей и даже из глаз.

Пелагия выяснила, что хотела. Ее страхи подтвердились. И теперь ритуал Пророчества убивал Кару.

Рука Верховного Оракула потянулась к поясу, пальцы пробежались по навершию церемониального жезла, который носили все сестры ордена.

Хатена посмотрела вниз и отшатнулась, тряся головой:

– Нет. Пелагия, нет, вы не можете...

Верховный Оракул выступила вперед, доставая жезл из-за пояса. Другой рукой она указала на Беатрис.

– Достаточно. Останови запись.

Беатрис передвинула рычаг. Машина с громким лязгом прекратила работу.

Хатена открыла было рот, чтобы сказать что-то, но Пелагия оттолкнула ее, Толчок был так силен, что сестра упала на пол. Верховный Оракул поднялась на возвышение. Жезл в руке внезапно показался ей очень, очень тяжелым.

Кара не осознавала ее присутствия. Она успокоилась и теперь стояла на коленях, запрокинув голову. Губы ее шевелились, хотя вслух она не произносила ни слова.

Остальные сестры поднялись на ноги. Хатена кричала, но Пелагия сумела отрезвиться от ее крика, раз за разом повторяя в голове текст Семи Запретов. Пророчеству мешали. Кто-то нашел способ каким-то образом влиять на видения, чтобы преуменьшить силу ордена Оракулов. Должно быть, это какое-то колдовство. Другого объяснения не было.

Это ересь.

Затем Верховный Оракул замахнулась рукой, вздевая жезл. Позади нее остальные сестры, образующие круг, вскричали – и Хатена тоже. Она вскочила, бросилась к Пелагии, ухватила ее за руку и потянула назад так сильно, что они обе свалились на пол. Жезл Пелагии покатился по камням, Верховный Оракул пыталась подняться, но Хатена оказалась быстрее. Она оттолкнула Пелагию и вскарабкалась на возвышение, где Кара рухнула на вышитую подушку. Ее скрюченное тело содрогалось от рыданий.

Пелагия встала и сдернула повязку с лица.

– Хатена, как ты смеешь мешать мне?

Хатена обняла Кару и посмотрела поверх ее дрожащей головы на Пелагию.

– Вы могли зайти слишком далеко, Верховный Оракул.

Пелагия промолчала. Тишину в Клуатре Пророчества нарушали только рыдания Кары. Когда Верховная Оракул вновь взойшла по ступеням и посмотрела на плачущую сестру, Хатена обняла ту еще крепче.

Никто не произносил ни слова. Никто не двигался. Затем Пелагия обернулась и указала на Беатрис:

– Немедленно уничтожь запись, сделанную аудиографом. Сожги ее!

Беатрис, дрожа, начала вытаскивать перфокарту из устройства. Верховный Оракул снова посмотрела на Хатену, и две женщины сверлили друг друга взглядами так долго, будто этот момент растянулся на вечность.

Затем Пелагия произнесла:

– Сестра, нам надо было все узнать.

Глаза Хатены сверкнули негодованием:

– Нужно было найти иной способ!

– Будущее сестер ордена Оракулов висит на волоске, – проговорила Пелагия. – Мы не должны позволить кому бы то ни было мешать ритуалу Пророчества.

Она взглянула на других сестер, которые дрожали перед Верховным Оракулом.

– Нам противодействует ересь, – добавила она. – И мы должны противодействовать ей, чтобы победить.

Она вновь повернулась к Хатене и глубоко вздохнула.

– Но я должна поблагодарить тебя, сестра. Возможно, я позволила чувствам одолеть себя. Присмотри за Карой. Можешь отложить другие обязанности, пока она не поправится. Я должна поразмыслить над нашими действиями и определить лучший путь для преодоления ереси.

Хатена внимательно посмотрела на нее, затем кивнула. Пелагия отвернулась и вышла из зала, не проронив более ни слова.

После того, как она вышла, Хатена взглянула в угол клуатра, туда, куда укатился жезл Верховного Оракула. Когда рыдания Кары начали стихать, Хатена пошевелилась... И только теперь пальцы жрицы, сжимавшие ее собственный жезл на поясе, разжались.

Часть первая Клинок Дануолла

1

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КИТОБОЙНЯ ГРИВЗА НОМЕР 5,

КВАРТАЛ БОЕН, ДАНУОЛЛ

18-й день месяца Земли, 1852 год

«Он заглянул в глаза Джессамины Колдуин в тот самый миг, когда жизнь покидала ее. И в тот самый миг ему пришло в голову, что он совершил ошибку. Его обманули. Хотя мысли такого рода бесполезны – она уже умерла вне зависимости от того, сожалел он об этом или нет. Однако он увидел свое истинное лицо, отразившееся в ее глазах, увидел свою подлинную сущность. Он не был ни знаменитым убийцей, ни великим творцом истории – всего лишь очередной пешкой в непостижимой игре».

– «КЛИНОК ДАНУОЛЛА»

Отрывок из бульварного романа, глава 3

Он опустился на колени на жесткий, влажный пол заброшенной бойни, оглянулся на аккуратные штабеля щепня и вздохнул. Чуть сдвинул на затылок глубокий капюшон и рассеянно одернул края кожаной куртки, вымокшей под ночным дождем. Потом запустил в бороду пятерню, не сняв перчатку. Поразмыслив над ситуацией, Дауд снова вздохнул.

Итак, вот оно. Недели – месяцы – путешествий от края до края Империи. Месяцы, в течение которых он следовал за слухами и шепотами, за историями без конца, исследовал странные культы, шел за проводниками, что вели в никуда. Месяцы слезки, борьбы за крохи информации, попыток распутать все эти нити – причем надо было тянуть за них аккуратно, ведь они могли оборваться, если слишком сильно сжать их в кулаке. И ради чего? Ради вот этой груды щепня внутри огромного выгоревшего остова китобойни в отвратительном квартале самого дождливого проклятого города на Островах.

Место было тем самым, что он искал, просто он слишком сильно опоздал. Истории были правдивы – на бойне действительно что-то произошло. Что-то важное для его миссии. Но что бы ни превратило дополнительную китобойню Гривза номер 5 в разбитую ракушку, это произошло месяцы тому назад. Время и усилия – все потрачено зря. Фабрика была важным звеном в решении, но теперь она превратилась в тупик.

Дауд поднялся, уперся ладонями в бедра и вытянул голову в сторону ближайшей кучи щепня, будто новый ракурс обзора мог что-то изменить в сложившейся ситуации.

«Нет, все же время было потрачено не зря. Это не тупик». Так повторял он себе, раз за разом. Да, он явился на сцену через несколько месяцев после того, как спектакль был сыгран, ибо не был способен завязывать время в узел. Это было вне его возможностей.

Зато возможности были здесь и сейчас. Он добрался сюда, в конце концов сумел сделать это. И теперь можно заняться поиском зацепок. Следы уже остыли, но он обязательно найдет что-нибудь.

Просто обязан найти.

И действительно, эта груда искореженных железак, обломков кирпича и камней заслуживала внимания. Она занимала почти половину фабрики, всю поверхность пола, который остался целым – с той стороны остова здания, что выходил на улицу. Другая сторона, обращенная к реке, была почти полностью разрушена. Не хватало целой секции стены, там зияла дыра, будто распахнутая в зевке глотка, и торчали уцелевшие куски арматуры, словно пальцы, указывающие в небо и протянувшиеся над темной водой. Большая часть стены рухнула в реку, но, как сумел разглядеть Дауд, ее русло было чистым. Только совсем рядом с берегом бурлил пенный прибой, там, где Ренхевен катил воды через несколько обломков, что виднелись под самой поверхностью. Река была жизненно важной водной артерией для Дануолла, и, несомненно, была проделана огромная работа, чтобы очистить дно от камней. Сначала обломки свалили в здании фабрики, а уж потом началась настоящая расследование.

Что бы ни случилось, это происшествие было значительным – достаточно значительным для должностных лиц, чтобы изучать его причины, чтобы тратить время на перетаскивание, сортировку и учет этих камней. Они были аккуратно разложены, рассортированы по материалу и по размеру, и каждый булыжник промаркирован – номера, нарисованные белой люминесцентной краской, неожиданно ярко светились в ночи, отражая тусклый лунный свет.

Официальной версией происходящего считался взрыв. На последнем этапе своего путешествия, двигаясь к востоку от Поттерстеда после возвращения на остров Грималь, Дауд тщательно изучил все заметки в газетах, которые ему удалось собрать. Он связал слухи и факты, относящиеся к происшествию в Дануолле, и принял его за исходную точку, в которой его миссия могла стать успешной или провалиться.

Официальная версия была довольно проста, хотя потребовалось некоторое время, чтобы выбрать наиболее важные кусочки мозаики из мириадных разных заметок, то слишком сенсационных, то тенденциозно изложенных – в зависимости от характера издания, личных прихотей журналиста и предполагаемой аудитории. Но все же Дауд сумел вычленить главное.

Пятнадцатого дня месяца Тьмы 1851 года – то есть ровно восемь месяцев назад – на дополнительной китобойне Гривза под номером пять, что на восточной стороне Квартала Боев, на берегу Ренхевена, произошла авария. Несмотря на то, что ее официальная причина не разглашалась, в газетах писали о взрыве. Взрыве такой силы, что он фактически уничтожил не только саму фабрику, но и повредил несколько соседних зданий в районе, в силу чего власти организовали кордон из городской стражи – дабы обеспечить безопасность граждан. Перекрыли несколько кварталов вокруг разрушенной бойни.

И сейчас, по прошествии восьми месяцев, кордон все еще охранялся.

Дауд находил это весьма любопытным. Он с легкостью миновал патрули из ленивых солдат городской стражи и проскользнул на охраняемую территорию, где обнаружил, что здания вокруг фабрики вовсе не пострадали. А это значило, что охрана района не имела ничего общего с обеспечением безопасности – просто власти не хотели, чтобы жители города видели, что тут происходит.

Тем не менее по прошествии времени результаты расследования не обнародовали, за исключением газетной передовицы, посвященной опасностям при переработке ворвани. «Курьер Дануолла» напомнил читателям о том, что процесс ее извлечения и очистки сложен и рискован. В заключение автор статьи упомянул, что Императрица Островов Эмили Колдуин собственной персоной обязала представителей компании «Осветительное масло Гривза» прийти в Дануолл и предоставить ей полную информацию о причинах инцидента.

Дауд не поверил этой статье, когда читал в первый раз, не верил и сейчас, воскрешая ее в памяти. Он был точно уверен в двух вещах. Во-первых, взорвалась не ворвань – это вещество было не самым устойчивым к внешним воздействиям, но даже если бы треснул резервуар для хранения, это не привело бы к таким разрушениям. Во-вторых, официальное расследование

простого инцидента на производстве никак не могло занимать восемь месяцев, какой бы неповоротливой и неэффективной ни была бюрократия в Дануолле.

Он прибыл по адресу – его цель находилась здесь. Дауд выпрямился и огляделся, замечая новые стойки и крепежи, которые установили здесь для того, чтобы поддержать три оставшиеся стены фабрики, уцелевшие части которых до сих пор вздымались невероятно высоко. Руины тщательно сохраняли от разрушений, по крайней мере до того момента, как официальное расследование завершится.

Это было хорошо. Откровенно говоря, даже лучше, чем просто «хорошо». Если по прошествии восьми месяцев они все еще просеивали щебень, значит, все еще не нашли то, что искали. Еще не нашли... У Дауда оставался шанс. Он опасался, что след уже остыл... но, возможно, это не так.

Но вот само здание китобойни – было ли оно тупиком? Дауд повернулся и медленно пошел вдоль штабелей, рассматривая куски камня и номера на них, в надежде обнаружить путеводную нить, улику, которая не попала на глаза представителям власти... лишь для того, чтобы явиться ему. Во время движения он еще немного сдвинул капюшон и, запрокинув голову, посмотрел в небо. Дождь уже закончился, но на полу фабрики плескалась лужа в два дюйма глубиной. Снаружи бродили патрули городской стражи, и он шел осторожно, беззвучно. Впрочем, это было несложно. Тишина, скрытность и секретность – когда-то это был его хлеб. И теперь, по прошествии времени, было легко возвращаться к старым привычкам.

Возможно, слишком легко.

Он остановился и медленно выдохнул, контролируя дыхание и чувство неуверенности, что зарождалось у него под ложечкой.

Он пришел слишком поздно. Этого... его здесь не было. Возможно, даже никогда и не бывало. Возможно, истории не были правдой.

И тут он услышал всплеск, звук шлепающих по воде ботинок... кто-то неуклюже, не таясь заходил в здание китобойни, думая, что внутри никого нет.

Дауд мгновенно принял боевую стойку, пригнувшись, – годы тренировок и весь жизненный опыт позволяли ему действовать, не задумываясь лишний раз. Все еще невидимый в темноте, он метнулся в сторону от груды щебня к длинному прямоугольному отверстию в полу справа – резервуару для слива ворвани, забитому мусору и наполненному водой. Там было достаточно места, чтобы спрятаться и наблюдать за пришельцем.

Свет от накрытого чехлом фонаря выхватил пятно на противоположной стене фабрики, а потом описал круг – по мере того как человек двигался вперед, от тени возле главного входа к столбу лунного света, что сочился из пролома в кладке. Пришелец не был бойцом городской стражи, отбившимся от патруля. Он принадлежал к другому ордену – бесконечно более могущественному и опасному.

Незванный гость был одет в черные штаны и длиннополый мундир угольно-серого цвета с поясом. Несколько кожаных полосок обхватывали плечи пришельца, на широких манжетах был вышит яркий золотой орнамент. Лицо его скрывала золотая маска, черты которой будто застыли в насупленной, яростной гримасе, а на лбу был выгравирован знак: вилы пронзали большую букву С.

Это был смотритель, член воинственной группировки из Аббатства Обывателей. К помощи этих жестоких фанатиков прибегали в очень редких случаях, лишь в ситуациях, причиной которых подозревали черную магию или ведьмовство – в общем, опасную ересь.

Дело становилось все интереснее. Смотритель на разрушенной бойне! Неудивительно, что власти хотели, чтобы люди держались подальше отсюда. И это значит...

...Что истории были правдой. Он был здесь. И они все еще искали его.

Двудольный Нож действительно существовал.

И Дауд подобрался к нему совсем близко.

Смотритель шагал по фабрике, проводя лучом фонаря по грудам щебня, по стенам, совсем не пытаясь скрываться.

Теперь неудивительно, что патрули городской стражи проявляли настолько мало интереса к своим обязанностям, когда Дауд пробирался чуть ли не вплотную к ним. Отношения между стражей и Аббатством Обывателей были непростыми и весьма настороженными... по крайней мере тогда, когда Дауд в последний раз был в Дануолле, дело обстояло именно так. Если смотрители здесь, значит, за операцию отвечает Аббатство, а простые солдаты городской стражи ставят под сомнение их авторитет и манкируют полученными от них приказами.

По дороге сюда Дауд не видел других смотрителей, но он не слишком долго болтался снаружи. Зная о кордоне, первостепенной целью для себя он поставил быстро проникнуть на бойню. То, что он при этом не натолкнулся на смотрителей, было огромной удачей.

И такой же удачей было то, что этот пришел сюда именно сейчас и в одиночку.

Тем временем смотритель повернулся, отводя взгляд от резервуара для ворвани, наполненного водой и мусором.

Это был шанс. Пришло время по-настоящему проверить себя, понять, какие из старых штук Дауд на самом деле помнил. Время для Клинка Дануолла выбраться из тени. Дауд поднялся и сжал кулаки. Он медленно выдохнул, концентрируя разум на связи за пределами... Связи, к помощи которой он в последнее время прибегал все с большей неохотой. Однако практичность победила – если у тебя есть инструмент, глупо им не воспользоваться. Он был уверен: возможность, открывавшаяся перед ним сейчас, могла больше никогда не представиться.

Когда смотритель пошел прочь, Дауд бросился вперед, а подошвы его ботинок беззвучно оттолкнулись от двух дюймов воды на полу. Он протянул вперед левую руку: метка Чужого, запечатленная на тыльной стороне ладони, жарко горела под перчаткой, когда Дауд зачерпнул силу, дарованную ему много, много лет назад.

Смотритель понятия не имел, что приближалось к нему, ибо Дауд скользнул через Бездну и в мгновение ока пересек разделявшие их пятьдесят ярдов. Он обхватил шею противника, нажал на его горло предплечьем и потянул смотрителя на себя, чтобы тот потерял равновесие. Смотритель охнул и уронил фонарь, забил ногами по воде, а Дауд вновь перенесся в пространстве, и они оба оказались на верху одной из балок, что поддерживала противоположную стену. Еще прыжок – и они на ребре разрушенной фабричной стены, еще – и под ними залитые лунным светом крыши Дануолла.

Пришло время получить ответы на вопросы.

2

ВЫСОКАЯ (ОЧЕНЬ ВЫСОКАЯ) КРЫША В РАЙОНЕ БАШНИ, ДАНУОЛЛ,

18-й день месяца Земли, 1852 год

«Последнего смотрителя снедал ужас – ведь он видел, как быстро перебиты были братья его, – и он пал на колени и просил о пощаде. Дауд произнес единственное слово, и когда я услышал его, кишки мои скрутило. Смотритель вопил как безумный, пока его маска не распалась на две части, будто ее раскололи молот и зубило, а из разлома на ноги Дауда хлынул поток крови.

В тот момент я зажмурился, ибо не мог больше выносить зрелище этого зверства. Я лишь мог надеяться на то, что когда грязный еретик обнаружит

меня, жизнь моя прервется быстро. Но когда я открыл глаза, Дауда не было рядом. Это был последний раз, когда я видел Клинок Дануолла».

– «КЛИНОК ДАНУОЛЛА. РАССКАЗ ВЫЖИВШЕГО»

Отрывок из уличного памфлета, в котором убийца Дауд предстает в гипертрофированно жестоком виде

Дауд оперся спиной на каменную кладку гигантского дымохода и наблюдал, как солнце восходит над Дануоллом. Небо почти очистилось, но плотные облака все еще не ушли за горизонт и красили небосвод в блистающий желтый, оранжевый, красный, местами даже пурпурный. Утреннее тепло заставляло испаряться капли дождя, что покрывали океан шифера на крышах города, и в воздух поднимался туман, от которого пахло мокрым камнем. Отсюда, с высоты опорной металлической конструкции, что обхватывала дымоход почти в самой высокой его точке, зрелище было впечатляющим. Дануолл, что тянулся во все стороны, сколько хватало взгляда, сверкал – будто кто-то засыпал город бриллиантами.

Дауд позволил себе улыбнуться, в конце концов признав – это было действительно красиво. Он так давно отсутствовал, что позабыл истинное величие столицы Империи, самого большого и густо застроенного города в островах. Он понял, что его память была избирательна и ранее в подсознании всплывали лишь воспоминания о зловонии, о гниении и распаде, о жестокости, о боли и о смерти в узких переулках, сжатых выщербленными стенами.

Конечно, эти воспоминания, наряду с чувствами, что они вызывали, были подлинными. Десятилетия назад Дауд сделал Дануолл своим домом, и здесь, под покровом теней, он совершал ужасные вещи. Та сторона города, что он знал, – та, что была его настоящим домом, пусть даже темным и опасным, – все же была подпольем. Но существовала и другая – та, с которой убийца не был достаточно хорошо знаком. И здесь, наверху, он видел отблеск ее великолепия.

Дауд усмехнулся, подивившись, куда забрели его мысли. Ему было не свойственно размышлять подобным образом раньше, но, в конце концов, он так долго отсутствовал, стал старше, чем хотелось бы, и, возможно, изменился за годы гораздо сильнее, чем готов был признать. И город изменился тоже. Время, когда Дауд был лидером «Китобоев», давно минуло, и сейчас их деяния превратились в малозначимую и не особо приятную сноску в повествовании о не особо приятном периоде имперской истории. Периоде, в котором он играл ключевую роль. Ни дня не проходило без воспоминаний об этом – с каждым годом они становились все тяжелее и темнее, – и Дауд знал, что пронесет их сквозь всю жизнь... и унесет с собой в могилу.

Он пытался забыть. Изгнанный из города угрозой боли и смерти, исходящей от рук Корво Аттано, Дауд бежал прочь. Прочь, как можно дальше от Дануолла, да и самого острова Гристоля. Он направился к Морли и прожил год в Колкенни, пока не устал от людей вокруг. Тогда он отплыл на Тивию и поселился не в Дабокве или Тамараке, а забрался вглубь острова, скитался по тундре и наконец осел недалеко от деревушки рядом с Прадимом, в бесплодных северных землях. Там он выстроил себе лачугу и проводил дни за заготовкой древесины, а ночами превращал бесконечные ряды деревянных плашек в замысловатые фигурки животных и птиц: медведей, волков, сов. Больше всего ему нравились совы.

У него отросли длинные волосы и борода, и Дауд провел шесть лет, отбивая от своего жилища любопытных жителей деревни – пока мог. Потом однажды ночью он увидел, как они собираются вместе, с факелами в руках, и ускользнул прочь до того, как они пришли жечь его хибарку. Самые подозрительные селяне, что вели за собой остальных, готовились обвинить странного отшельника в колдовстве.

Он забрался еще севернее, но не мог думать ни о чем, кроме Дануолла. Казалось, что чем дальше он удаляется от города, тем сильнее к нему тянет. Будто Дауд был привязан к камням в его основании так же, как метка Чужого связывала его с Бездной. Он почти повернул обратно, сдавшись на волю фатума и неизбежного возвращения в Дануолл, но как только дорога привела убийцу в Вей-Гон, он почувствовал, как что-то внутри меняется. Он был не из тех, кто

задумывается о смысле жизни, но в Вей-Гоне он наконец начал размышлять, сумеет ли в конце концов отпустить прошлое и что его ждет дальше на жизненном пути. Задумался об обновлении. Взять новое имя, начать новую жизнь... Он даже начал снова спать – действительно спать, а не дремать в полубессознательном состоянии, когда разум остается настороже в преддверии надвигающейся опасности.

Первый раз за эти годы Дауд посмел задуматься, не обрел ли он наконец ту жизнь, которую действительно желал обрести.

А затем начались сны.

Одни и те же сны. Он снова был «китобоем», что держал окровавленный нож, стоя над телом императрицы Джессамины Колдуин. Огромная стая крыс захлестывала улицы Дануолла. Крысы ползли по ногам убийцы, покрывали его тело, забирались под маску, вонзали когти в его глаза, грызли его лицо. И сквозь кровавые ошметки век Дауд видел Чужого, что стоял перед ним, сложив на груди руки и молча наблюдая, и край его рта кривился в пронизательной злой ухмылке. А потом Чужой отворачивался, обводя рукой вокруг себя, и в последнем видении Дануолл превращался в Карнаку – родной город Дауда, город, которого он не видел уже больше двадцати лет. Город горел, но воздух был наполнен не дымом, а огромными роями трупных ос, и жужжание их крыльев знаменовало собой конец света.

В ночь, когда сон пришел впервые, Дауд проснулся, крича от ужаса. Спустя дни и недели он уже кричал не каждый раз... но лишь потому, что стал бояться засыпать. Однако ночные кошмары не прекращались, даже когда Дауд бодрствовал: смежив веки, он каждый раз видел перед собой лицо Чужого. Его черные глаза, его черную улыбку.

Тогда Дауд покинул Вей-Гон и отправился на юг в Карнаку, столицу острова Серконос, самую южную точку Островной Империи.

Он отправился домой.

Путешествие было долгим, но Дауд потратил время с пользой. Он придумал план, который освободит его от оков прошлого раз и навсегда. Он дал себе единственное задание, выполнение которого, как он надеялся, искупит всю его прошлую жизнь, полную злости, ненависти, ярости, жестокости и обмана. Одну финальную миссию, что освободит его навсегда.

И не только его – если он преуспеет, то избавит весь мир от хватки этого вредителя, этого черноглазого ублюдка.

Дауд собирался убить Чужого.

Единственный вопрос – как? Ответ долго ускользал от Дауда, пока тот не наткнулся на слухи о некоем предмете, который казался решением проблемы. Все началось с истории, которую ему рассказали шепотом в неприглядной пивной. Дауд потратил шесть недель на то, чтобы собрать воедино все отрывки этой истории и получить полную версию.

Фактов было немного, но этого было достаточно. Дауд также учел, что слухи достигли его ушей как раз в тот момент, когда ночные кошмары достигли пика реалистичности. Что было их источником, он не хотел выяснять – возможно, его собственный разум, сбившийся с пути. Но теперь Дауд знал, что его самопровозглашенная миссия не была продуктом стареющего и скукающего сознания, которое борется против пустоты и беспредметности жизни.

Миссия была реальной. Более того, она была возможна. Чужой погибнет от его руки – и Дауд точно знал, как его убить и чем. Ибо из слухов он узнал об артефакте, предмете, напрямую пришедшем в этот мир из мифов и легенд. О реликвии из иного времени и иного места. Об оружии – бронзовом ноже с двумя лезвиями.

Нож, с помощью которого был создан Чужой.

Он действительно существовал, и он вновь появился в этом мире. Однако, если верить слухам, история о ноже подпитывалась вовсе не культистами, заинтересованными в распространении ереси Чужого, а интересом нелегальных торговцев к тому, сколько денег можно выторговать за подобный артефакт на черном рынке. У магических предметов был свой

небольшой рынок сбыта, Дауд хорошо был осведомлен о нем. И Двудольный Нож был бы самой востребованной реликвией из всех.

Так как Двудольный Нож пробудил Чужого, он же – как гласила легенда – был единственным оружием, способным прекратить его существование.

Дауду было достаточно этого знания. Теперь его миссия обрела конкретную цель: чтобы убить Чужого, освободить себя и весь мир от его тлетворного влияния, требовалось найти Нож.

И поиск его начался там, где закончились слухи, – в Дануолле, на разрушенной фабрике.
– Ааааххх...

Размышления Дауда прервал стон, издаваемый телом у его ног. Смотритель лежал на спине на помосте, выстроенном вокруг дымохода, все еще в маске, что отражала разгорающиеся лучи рассвета. Когда тот начал шевелиться, Дауд толкнул его голову носком ботинка. Смотритель мгновенно пришел в себя:

– Где я?

Дауд перекинул ногу через тело смотрителя и встал прямо над ним. Тот снова дернулся, всасывая воздух сквозь отверстие в маске, и судорожно закашлялся. Затем приподнялся на локте и свесился набок. Из искаженного гримасой рта маски потянулась нить склизкой слюны. Дауд поставил ногу на грудь смотрителя, прижимая того обратно к помосту. Когда убийца надавил, пальцы жертвы вцепились в его голень, с силой сжались...

– Пожалуйста! Что... вы... делаете?

Дауд прыгнул вниз, опускаясь на колено, и быстрым ударом выбил воздух из груди мужчины. Потом вцепился в ворот мундира и потянул смотрителя на себя что было сил. Дауд склонился к лицу противника так низко, что его борода коснулась подбородка золотой маски, и пророкотал:

– Ты будешь говорить, лишь отвечая на мои вопросы! Если будешь сам спрашивать, ты умрешь. Если меня не устроят твои ответы, ты умрешь. Если соврешь мне, то я узнаю об этом, и ты умрешь.

Он сжал воротник смотрителя еще сильнее.

– Мы поняли друг друга?

Мужчина тяжело дышал. Он был так близко, что Дауд сумел рассмотреть его глаза сквозь прорези маски. Они были очень синими, очень широкими и очень мокрыми.

Дауд глубоко вдохнул прохладный утренний воздух. Он ощущал на языке резкий электрический привкус – от металлической платформы внизу, что высыхала на солнце. Он различал земляной запах от вод Ренхевена. Но здесь и сейчас становилась все сильнее едкая, кислая вонь страха, что исходила от смотрителя, распростертого на помосте.

Именно такой Дануолл он помнил очень хорошо.

– Кивни, если понял, – проговорил Дауд.

Смотритель быстро кивнул. Из-под маски доносились всхлипы. Дауд замер. Этот мужчина... он что, плакал? Убийца зарычал и сдернул маску. Нахмурился. Неизвестно, что он ожидал увидеть под ней, но часть его невольно удивилась.

Дауд был старше, чем ему хотелось признать, и очень долго отсутствовал в Дануолле, но он искренне не мог припомнить, чтобы ему попадались настолько молодые смотрители. Его пленник выглядел как мальчишка, которому нет еще восемнадцати. Чисто выбритое лицо было круглым, а покрасневшие щеки – по-детски пухлыми, и по ним все еще текли слезы. Большие синие глаза мальчика смотрели на Дауда с чистым, первозданным ужасом.

Что ж, по крайней мере, Дауд останется неузнанным – его борода достаточно отросла, а в бакенбардах появились седые пряди. И смотритель был слишком молод, чтобы опознать его. Мальчишка – нет, мужчина, поправил себя Дауд – во время крысиной чумы, когда «Китобоев» преследовали на улицах города, вероятно, был еще совсем ребенком. В то время плакаты с

лицом Дауда были расклеены повсюду: объявления, в которых за его убийство или поимку обещали награду, висели почти в каждой таверне и в каждом переулке во всех районах.

Дауд открыл было рот, чтобы задать первый вопрос, но смотритель заговорил первым, несмотря на угрозы похитителя.

– Вы – это он, правда?

Дауд застыл. Смотритель зажмурился изо всех сил и сжал губы так крепко, что они побелели.

– Мальчик, ты не знаешь меня, – прошипел Дауд сквозь стиснутые зубы. Потом сделал паузу, раздумывая о дальнейших вариантах беседы. Мальчишка был напуган, но, к счастью, все еще способен отвечать на вопросы. – Как тебя зовут?

– Вудроу, – отозвался смотритель. – Хейворд Вудроу.

Дауд зарычал и убрал колено с груди смотрителя, снова наклонился и приподнял того за шею.

– Слушай меня, Вудроу...

– Клинок Дануолла! Вы – это он, да?

Непостижимым образом, спустя все эти годы, несмотря на то, что Дауд изменился, этот смотритель – мальчишка! – узнал его. Узнал – или угадал. Дауд принял этот факт во внимание, но, возможно, это ничего не значило в сложившейся ситуации. С одной стороны, Дауд удивился, но, с другой, вовсе не о нем, реальном Дауде, болтал мальчишка. Он говорил не о настоящем человеке, а о легенде, что стояла за ним.

Вудроу сглотнул.

– Я только... имел в виду, что... простите...

Он заикался, подыскивая правильные слова.

– Только... Клинок Дануолла, мы все еще говорим о нем и о том, что он сделал. В прошлом, конечно, это было до меня. Я всего-навсего прошел первую инициацию. Я имел в виду, что я никогда... он просто легенда. Старшие... то есть более старшие члены Аббатства, они упоминали о нем. Вот и все. Это просто история, чтобы напоминать нам о прошлом и о том, что случилось в городе... Что могло случиться. Чтобы мы уверились в том, что это не случится... снова.

Дауд крепче сжал шею смотрителя и толкнул юного послушника назад, ударив спиной о помост. И Вудроу вскрикнул от удивления, только сейчас поняв, где находится.

– Что... Как мы сюда поднялись? Как мы...

– Слушай меня, Вудроу, – проговорил Дауд. Он так близко наклонился к смотрителю, что борода его касалась лица пленника. – Мы собираемся хорошо провести время. Мы станем друзьями, будем болтать и петь, и засидимся за полночь, и день, когда ты встретил Клинок Дануолла, станет величайшим днем твоей жизни. Потому что если ты правдиво ответишь на мои вопросы и дашь мне нужную информацию, я позволю тебе остаться в живых. И до конца день своих ты будешь благодарен мне за каждый вздох.

Смотритель всхлипнул и попытался кивнуть – настолько убедительно, насколько мог.

– А если не ответишь, – продолжал Дауд, – я скину тебя вниз, и Аббатство Обывателей лишится одного из послушников.

Глаза Вудроу вновь расширились от страха:

– Пожалуйста, только... пожалуйста...

– Чем смотрители занимаются на фабрике?

Мальчик втянул воздух. Он перестал сопротивляться, но Дауд все еще крепко держал его за горло – так, чтобы тот мог дышать... а не кричать.

– Охраняют, – сказал Вудроу. – Я был в дозоре на бойне. Смена караула. Вы, должно быть, видели остальных.

– Почему фабрика так важна?

– Я...

– Почему она важна?

– Ересь! – Вудроу скривился. – Обряд черной магии – ведьмовство! Там произошло нечто неопишваемое.

Дауд прищурился:

– Объясни.

– Там был мужчина. Незнакомец из... откуда-то. Говорили, что из Тивии. Путешественник. Он собрал группу купцов, и они сделали фабрику своей базой.

– Для чего?

– У него был предмет. Артефакт.

Вот оно!

– Что за артефакт?

– Я не знаю.

– Ты лжешь.

– Никто не знает!

– Ты лжешь!

Дауд поднял смотрителя за воротник и швырнул его на край помоста. Тот вскрикнул и завертел головой, пытаясь понять, что там внизу. Ничего, кроме двухсот футов пустоты, между ним и далекой крышей завода.

– Его никто не видел! – Вудроу вывернул шею, чтобы посмотреть в глаза Дауду. – Мы знаем только то, что нам рассказали сестры из ордена Оракулов.

Дауд вскинул голову.

– Сестры видели его в пророчестве?

– Да. Да!

– Что именно они видели? Говори!

Сначала смотритель помотал головой, потом кивнул и быстро заговорил, брызгая слюной:

– Какое-то оружие. Это все, что я знаю, клянусь. Послушникам моей ступени больше ничего не сказали!

Итак, истории были правдой. В конце концов он напал на верный след.

Смотритель Вудроу со свистом втянул воздух, но Дауд ослабил хватку на шее юноши. Грудь его тяжело вздымалась.

– Именно поэтому смотрители туда прибыли, не так ли? – спросил Дауд. – Незнакомец привез артефакт в Дануолл. Чем бы он ни занимался на бойне, что-то пошло не так. Его убили, и в Аббатстве Обывателей считают, что артефакт все еще там. Так что смотрители провели восемь месяцев за просеиванием обломков.

– Он опасен, – пробормотал Вудроу. – Еретическим артефактам не разрешено... они не должны существовать.

– Вы так и не нашли его, – протянул Дауд. – Вы все еще ищете.

– Пожалуйста! Не отпускайте меня! Не отпускайте!

Дауд склонился к смотрителю.

– Тогда продолжай говорить. О чем еще болтают юные послушники между собой?

– Теперь они говорят, что артефакт забрали! Кто-то залез в здание фабрики после взрыва. Они нашли его и забрали. До того, как городская стража организовала кордон. До того, как Верховный смотритель призвал нас на поиски.

Дауд зарычал:

– Кто его забрал?

Вудроу затряс головой:

– Я не знаю. Я не знаю. Старшие зрители в это не верят, поэтому они до сих пор ищут. Но я просто говорю вам о том, что сам слышал.

Потом Вудроу закрыл глаза и начал говорить мягко, и быстро, почти не делая пауз между словами:

– Избегай взора блуждающего, что мечется туда-обратно и тянется к вещам блестящим, что поначалу приводят в восхищение, но далее приводят к беде.

– Вудроу.

– Язык лживый подобен искре во рту язычника...

– Вудроу!

Внизу раздался треск выстрелов, затем предостерегающие крики – один, за ним другой.

Дауд вскинул голову, ослабив хватку на горле Вудроу. Зритель соскользнул вниз, на несколько дюймов ближе к своей кончине, и в ужасе завопил, прежде чем убийца снова подхватил его. Дауд замер, пытаясь разглядеть источник звуков.

Выстрелы раздавались с востока, откуда-то со стороны Башни Дануолла, всего в нескольких кварталах от королевского дворца. Взгляд Дауда уловил какое-то движение внизу: наклонив голову, он наблюдал, как офицеры городской стражи приближаются к заводу по разным улицам, собираются группами, как муравьи, чей дом потревожили, а затем бегут к Башне.

Висящий у него в руках Вудроу вернулся к жизни и задержался:

– Помогите! Кто-нибудь! Помогите мне! Помо...

Дауд затащил Вудроу обратно на помост и скрутил его, зажав шею пленника сгибом локтя. Вудроу вытаращил глаза и попытался освободиться, но не вышло. Пять секунд – и он прекратил сражаться. Десять – и похолодевшее тело зрителя упало на грудь Дауда. Убийца оттолкнул обмякшего Вудроу поближе к стене дымохода.

Вдали раздалось еще два выстрела, а потом – еще.

Дауд присел на краю помоста и вытащил из кармана куртки маленькую подзорную трубу. Настроивая ее, чтобы сфокусировать на происходящей вдали заварухе, он почувствовал всплеск адреналина и волны старой памяти, поднимающиеся откуда-то из глубин разума.

Глядя в окуляр, Дауд исследовал улицы рядом с Башней. Довольно быстро он обнаружил четырех стражников, бегущих по широкому проспекту. Дауд следил за ними, пока те не присоединились к отряду на маленькой площади. Мужчины кричали и указывали куда-то руками, а солнце отражалось от пряжек у них на плечах. Некоторые уже извлекли сабли из ножен. У офицера в руках был пистолет, и он целился в сторону Башни. Некоторые из стражей сорвались с места и устремились в том направлении. Остальные рассыпались в стороны, закинув головы и глядя на здания вокруг.

Дауд опустил подзорную трубу и отодвинулся от края помоста. Замер на мгновение. Он не знал, что происходит, и, пожалуй, его это не слишком заботило. Они не могли охотиться за ним: конечно, отсутствие зрителя Хейворда Вудроу к данному моменту уже могли заметить, но это произошло бы на другом краю города, в Квартале Боев. Что бы ни происходило сейчас здесь, это было связано с самой Башней.

Он снова поднес окуляр к лицу. На улице собралось еще больше стражников, а офицер с пистолетом пытался теперь организовать более упорядоченный поиск.

Поиск чего?

Дауд повернул колесо настройки, меняя фокус, и стал снова осматривать район. Да, ошибиться было невозможно: кто-то бежал по острому коньку крыши к западу от Башни Дануолла, а потом нырнул в тень. Фигура была в трехстах... может, быть, в трехстах пятидесяти ярдах от того места, где находился Дауд.

Он сфокусировался на крышах рядом с Башней. Тени были черны, и в течение минуты там не было никакого движения.

А потом фигура выбралась из укрытия и снова побежала.

Это было красиво. Дауд наблюдал, как она ускользала от стражников и пряталась в утренних тенях, что родились на городских крышах под светом солнца, благодаря их сложной архитектуре.

Дауд вновь посмотрел на улицы вниз. Городская стража на протяжении нескольких минут не вела стрельбу, потеряв того, кого они пытались преследовать. На площади и вокруг нее собиралось все больше народу, но внизу, на уровне мостовых у них не было ни малейшего шанса обнаружить дичь... тем более настолько быструю и ловкую.

Дауд задавался вопросом, кто на Островах мог бы быть способен на такое.

С его позиции открывался прекрасный вид на погоню. Он наблюдал, как фигура пере скакивает с одного здания на другое, взлетает над узкими переулками, проносясь прямо над головами стражников, которые ее ищут.

Дауд был очарован этим движением. Фигура была маленькой и гибкой. Возможно, ребенок... нет, кто-то старше. Подросток. Беглец? Или, если судить по навыкам, это мог быть воришка или юный член банды, который пытается впечатлить одного из криминальных боссов, заигрывая с городской стражей и демонстрируя свою ловкость. Когда-то, подумал Дауд, и я был таким. Но теперь...

Он почувствовал, что не может дышать. Он опустил подзорную трубу, как будто на таком расстоянии лучше видел без нее. Потом поднял трубу снова, настраивая фокус, приближая картинку, насколько это возможно. Попытался отследить фигуру на максимальном увеличении.

Это невозможно, верно? Дауд наблюдал за беглецом, который прыгал и бежал, а затем взобрался по отвесной стене, и сложность задачи не затормозила его ни на мгновение.

Не затормозила ее. Потому что бегущая фигура принадлежала не убежавшему от родителей подростку и не парнишке, который метит в головорезы. Это была юная, хорошо одетая женщина в черном брючном костюме, с ослепительно-белым воротничком.

Дауд вмиг узнал ее. Ее портреты висели в каждом городе на Островах, а профиль был выгравирован на каждом монете в Империи.

Императрица Эмили Колдуин собственной персоной. В бегах.

В последний раз он видел ее пятнадцать лет назад. Дауд засмеялся: сначала тихо, но потом все громче и громче, и грудь его вздымалась сильнее. Он в недоумении помотал головой, наблюдая, как императрица исчезает из виду за краем крыши.

Неудивительно, что городская стража пришла в такое беспокойство, – по какой-то загадочной причине императрица покинула Башню и отправилась... за чем? Она спасала собственную жизнь? Со стороны выглядело так, будто собственная стража угрожала ей. Но причина, побудившая начать этот «полет» над городом, оставалась загадкой. Дауд не собирался встречать ни во что – что бы то ни было! – не имевшее отношение к его миссии. К тому же Эмили никогда не приняла бы от него помощь, даже если бы он осмелился ее предложить.

Теперь он уже не видел императрицу, но продолжал размышлять. Она двигалась с удивительной ловкостью и грацией. Было очевидно, что ее навык прыгать по крышам получен не в ходе редких – пару раз в неделю – уроков фехтования.

Ее специально обучали.

Дауд вновь рассмеялся. Конечно! Корво Аттано! Лорд-протектор и отец Эмили. Похоже, эта парочка не теряла времени даром последние пятнадцать лет. Возможно, императрица убедила отца, что ее нужно обучить самозащите на случай, если лорд-протектор не справится с задачей. После убийства ее матери, Джессамины Колдуин, и после того, как саму Эмили похитили, это было неудивительно.

Дауд моргнул, чувствуя, как разум его вновь возвращается к тому дню пятнадцать лет назад. К убийству и битве с Корво Аттано. К противостоянию, которое закончилось изгнанием Дауда из Дануолла.

Он не знал, как Аттано нашел в себе силы, чтобы отпустить противника. Дауд должен был умереть. И, возможно, ему хотелось бы, чтобы Корво был... каким? Сильнее? Слабее? Какой выбор был бы лучше? Убить Дауда или изгнать его? Он убил императрицу Джессамину Колдуин, любовницу Корво, и хотя он был всего лишь наемным убийцей и следовал приказам Хайрема Берроуза, его действия чуть не привели к гибели всей Империи.

Возможно, он заслуживал именно смерти. Иногда он даже желал ее. Корво подарил ему второй шанс, но после этого Дауд провел годы, странствуя по островам в поисках новой цели и новой жизни, и не мог отделаться от чувства, что все это время проходит впустую.

Пока он не определил для себя миссию.

Он снова взглянул на крыши и увидел, как Эмили вновь появилась на берегу реки, рядом с маленьким грузовым доком. Она осторожно прошла до конца узкой сливной трубы, прыгнула в воду, проплыла несколько ярдов под водой и вынырнула. Она гребла в сторону единственного корабля, что стоял в порту, потрепанного пароходика с надписью на борту «Падший...»... кто-то падший: издалека под углом невозможно рассмотреть, к тому же борт судна слишком блестел на солнце.

Дауд вздохнул. Сказал себе: что бы ни происходило, это не его дело. Мир мог развалиться на части. Императрица Островов могла утонуть в море. Ничего из этого не имело значения. Он не мог – и не будет – отклоняться от плана.

Найти Чужого.

Убить Чужого.

И для этого ему требовался Двудольный Нож. Он был там, в Дануолле, на бойне. Смотрители все еще искали его.

Дауд опустил взгляд на Вудроу, который лежал, прижавшись к дымоходу. Юноше тихо хрипел, губы дрожали, а глаза дергались под сомкнутыми веками. Когда его хватятся, кто-нибудь сумеет найти его здесь... на помосте, до которого почти невозможно добраться.

Возможно, найдет.

Дауд вздернул голову. Возможно, история Вудроу про слухи среди послушников была правдивой. Возможно, смотрители не могли найти нож, потому что его обнаружил кто-то до них.

Еретические артефакты редко встречались, но о них было известно. И на черном рынке – том, где торговали костяными амулетами и другими более простыми штуками, связанными с черной магией, – в них были сильно заинтересованы. Раз уж истории о появлении Двудольного Ножа распространились до самых дальних островов, значит, в Дануолле об этом хорошо известно. Особенно если знаешь, кого расспросить.

Так уж случилось, что Дауд знал, к кому обратиться. Если ты интересуешься еретическими артефактами и знаниями для посвященных, стоит идти в одно-единственное место. Он не был там давно. И даже будучи «китобоем», не находил причин для посещения этого места... да и многие другие банды Дануолла обходили его стороной.

Но именно в этом месте можно было найти ответы на вопросы и вновь напасть на след. Вирмвудский проезд.

И Дауд точно знал, кого искать, добравшись туда.

3

УЛИЦЫ ДАНУОЛЛА

18-й день месяца Земли, 1852 год

«В соответствии с пунктом 5, разделом 1, параграфом 7В, солдаты городской стражи обязаны прибыть на свои посты после вступления в силу специальных распоряжений (от Главного Штаба), в соответствии с протоколом 6, тем самым обеспечивая создание кордонов и зон, в которые ограничен доступ гражданского населения; далее, в соответствии со специальными распоряжениями (от Главного Штаба), по протоколу 7, городская стража уполномочена вводить и обеспечивать соблюдение комендантского часа, параметры которого находятся в ведении руководителей частей, в соответствии с приказами, полученными от командования городской стражи, от лорда-протектора и/или от правящего лица Островной Империи, кто бы ни занимал эту должность».

– *ДОПОЛНЕНИЕ К ПУНКТУ 5 ОБ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ
РАСПОРЯЖЕНИЯХ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕРАХ*

Отрывок из Инструкции для городской стражи (двадцать седьмое издание)

Путешествие через Дануолл, из района Башни до Вирмвудского проезда, оказалось интересным и заняло у Дауда гораздо больше времени, чем он планировал потратить, даже учитывая, что он передвигался в открытую. Дауд решил отказаться от теней и крыш, и в результате завяз на улицах. Довольно быстро стало ясно, что в суете никто не собирался останавливать его или просто достаивать взгляда.

Дануолл пребывал в хаосе. Провал операции городской стражи, когда солдаты пытались – и не смогли – догнать свою собственную правительницу, быстро привел к мобилизации по всему городу, улицы стали заполняться не только солдатами, но и зрителями. В отличие от стражников, которые были в некотором смятении, зрители перемещались по улицам с каким-то суровым спокойствием, их маски источали угрозу одним своим присутствием, мелькая среди увеличившегося числа обеспокоенных граждан. Те вышли на улицы, когда слухи о том, что происходит в Башне Дануолла, пронеслись по городу, как огонь. Информация была отрывочной, неполной и в чем-то противоречивой, как и всегда в новостях такого рода – сразу после того, как событие произошло и начало обрастать слухами.

Произошел переворот. Императрицу свергли. Некоторые говорили, что она мертва, некоторые говорили, что она скрывается. Дауд, по крайней мере, знал правду, но, пробираясь сквозь толпу, он держал рот на замке, слушая сплетни, что кружили вокруг, как мотыльки, танцующие в лучах летнего солнца, и сам в разговоры не вступал. Это не имело никакого отношения к нему. Он существовал отдельно, как наблюдатель... «Нет, как чужой», – понял он с горькой иронией.

Дауд попытался сойти с главного проспекта: скорость его продвижения замедлялась по мере того, как толпа увеличивалась; но он обнаружил, что большинство альтернативных маршрутов оказалось отрезано городской стражей и зрителями, которые начали сгонять толпы туда, где их легче было контролировать. Это было логично и не удивило его.

А вот что действительно удивило, так это обнаруженная им третья фракция официальных лиц, помимо стражи и зрителей. Эти военные помогали страже – нет, скорее командовали ее солдатами. Они были одеты в униформу из мешковатых бежевых брюк и мундиров с короткими рукавами, синевато-зеленых у большинства и темно-красных у нескольких человек. Одежда контрастировала с белыми кожаными ремнями и патронташами, которые пересекали грудь. Все они носили высокие белые фуражки с коротким козырьком спереди и более длинным сзади, для защиты шеи. На околышах фуражек поблескивали серебряные значки, обозначавшие власть, на которую эти военные работали.

Дауд знал эту униформу и знал значок. Он знал их всю свою жизнь. Это была Парадная Серконская гвардия, здесь, в Дануолле, так далеко от дома, участвующая в перевороте, и, видимо, в довольно большом количестве.

И, что более важно, именно одетые в красное ветераны, как оказалось, отдавали приказы – и своим людям, и городской страже, и даже зрителям.

«Это становится интересным», – подумал Дауд. Что бы ни произошло во дворце, очевидно, что этой свинье Луке Абеле, герцогу Серконоса, пришлось самому вмешиваться в это дело. Дауд наблюдал, как офицеры Парадной Серконской гвардии совещались со своими коллегами из городской стражи и зрителями, и все больше членов каждой фракции начало собираться на узкой улице позади него. Они уже были готовы двинуться на толпу, с намерением загнать всех обратно вглубь района, и, без сомнения, отдать приказ о соблюдении комендантского часа.

Но им нужно было действовать быстро – Дауду потребовалось два часа, чтобы добраться до этого места, и толпа расходиться явно не собиралась. В мгновение ока все происходящее могло обернуться беспорядками, а стихийные сходки обеспокоенных граждан – взрывом пороховой бочки. Дауд знал, что будет дальше. Толпа будет бунтовать, и власти – неизвестно, кто был главным сейчас, возможно, сам герцог Абеле – прикажут подавить сопротивление. Будет много крови. Дауду нужно было уходить; эта внезапная нестабильность угрожала его планам. Он должен был добраться до Вирмвудского проезда, получить любую информацию, какую только мог, о Двудольном Нож, и, возможно, даже найти сам артефакт, если тот все еще находился в городе. А если нет, то ему нужно было узнать, куда Нож делся, у кого находится сейчас и что нужно сделать, чтобы завладеть им. Давка среди горожан начала нарастать.

Дауд чувствовал, как менялась атмосфера, когда люди стали замечать скопления стражи. Любопытство, растерянность – даже немного волнения – уступили место неуверенности, страху.

Это должно было случиться, и уже скоро. Он обогнул фасад магазина, минуя прохожих, чтобы обеспечить себе свободный путь вниз по улице. Дальше толпа редела, и улицы и переулки казались свободными от стражи.

«Это не моя проблема».

Впереди него двигалась группа городской стражи. Солдаты казались неуверенными, нервными. Дауд не обвинял их – вероятно, о том, что происходит, они знали столько же, сколько он, или даже меньше, и, несомненно, были не слишком счастливы быть под командованием Парадной Серконской гвардии. Дауд не хотел рисковать, ввязываясь в схватку; он уже потратил достаточно времени.

Один из приближающихся стражников указал на него.

– Эй, ты! Куда ты идешь? В городе сейчас комендантский час.

Дауд остановился и поднял руку, надеясь продемонстрировать дружелюбие, но приветствие лишь заставило стражника нахмуриться. Он и его сослуживцы были еще в пятидесяти ярдах от него, но теперь они все побежали к Дауду.

Бросившись вперед, Дауд резко повернул в узкий переулок. Здания по обе стороны были высокими. На плоских стенах виднелась сеть железных лестниц, их нижние ступеньки висели по крайней мере в десяти футах от земли, чтобы никто не мог зацепиться.

Шаги приближающейся городской стражи становились громче, ботинки тяжело бухали по мостовой. Дауд глубоко вздохнул, затем медленно выпустил воздух. Он не хотел использовать магию, но снова оказался вынужден. Ему нужно было спешить. Похоже, время сейчас было самым важным – важнее, чем когда-либо раньше.

Он поднял глаза, оценил расстояние, затем протянул левую руку. Метка Чужого начала жечь кожу, словно клеймо, и она горела все сильнее, пока Дауд поднимался по лестнице, а затем взлетел на крышу. Там он остановился и посмотрел вниз, наблюдая, как патруль городской

стражи вошел в переулок, и солдаты оглядываются по сторонам в поисках беглеца, словно потерянные дети. Затем Дауд повернулся и продолжил свой путь.

4

ВИРМВУДСКИЙ ПРОЕЗД,

ВИРМВУД, ДАНУОЛЛ

18-й день месяца Земли, 1852 год

«Более бесстрашным путешественникам, что хотели бы открыть для себя истинную природу города и, возможно, хотели бы познакомиться с той стороной Дануолла, о которой обычно не упоминают, можно посоветовать пройти по Вирмвудскому проезду. Улица с этим названием является в некотором роде главной артерией небольшого, но густо застроенного района, что прячется в юго-западной части города. Здесь путешественник найдет магазины, подобных которым нет более нигде в Дануолле, ибо они рассчитаны на вкус необычных покупателей. Тем не менее туристу не рекомендуется сворачивать с этой улицы, а также стоит на время данного путешествия нанять телохранителя, дабы избежать неприятных рисков. Несмотря на то что Вирмвудский проезд действительно удивительное и яркое место, долгие годы он находится под властью разнообразных подпольных организаций. И они относятся к пришельцам снисходительно ровно до того момента, пока те не суют нос куда не следует. Глуп тот путешественник, который решит сойти здесь с прямого пути, а городская стража также напоминает, что не высылает солдат на призывы о помощи южнее улицы Даррельсон.

Рекомендуется повышенная осторожность».

– «ВИРМВУДСКИЙ ПРОЕЗД —
ТАЙНАЯ СТОРОНА ДАНУОЛЛА»

Отрывок из «Многогранного путеводителя по Островам» (четвертое издание)

Дауд осмотрел улицу внизу, прячась за острым коньком крыши над таверной, расположенной на углу улицы Даррельсон. На контрасте с хаосом, что творился к северу, здесь было спокойно, но вовсе не из-за комендантского часа или угроз со стороны городской стражи либо прочих военных подразделений, что сегодня обходили дозором Дануолл. Здесь всегда было спокойно в это время, и сегодняшний день не стал исключением.

Вирмвудский проезд располагался параллельно улице Даррельсон, которая служила своеобразной границей между городом и Вирмвудом, территорией, которая явно отличалась от остальных районов Дануолла. Архитектура здесь казалась более старой, улочки, разбегающиеся в стороны от Вирмвудского проезда, словно нервы от позвоночника, были извитыми и узкими, а дома по их сторонам кривобокими и покосившимися. Камни мостовых и зданий выглядели старыми и раскрошившимися, как будто этот уголок Дануолла был старше окружающих районов по меньшей мере лет на сто. Возможно, это было правдой. Возможно, Вирмвудский проезд являлся настоящим старым городом, тем семенем, из которого Дануолл вырос, а затем расширился и захватил южный берег Ренхевена, после чего протянулся на север и превратился в самое большое поселение на Островах и столицу Империи.

Возможно. Дауд не был уверен в этом, к тому же не слишком интересовался историей градоустройства. С Вирмвудским проездом и его окрестностями он был не слишком хорошо знаком, однако знал о них достаточно. Достаточно, чтобы действовать очень, очень осторожно, отправляясь на поиски. Будет особенно сложно, учитывая, что город буквально трясет от страха после внезапного переворота. Однако выбора не было. Или сейчас, или никогда.

Вирмвудский проезд отличался – держался особняком – от остальных районов Дануолла еще по одной причине, которая не имела ни малейшего отношения к истории или архитектуре. Этой причиной были его банды, или, точнее сказать, одна из банд. Самая опасная, самая отможенная, самая жестокая банда в истории Дануолла. Ее обычно не упоминали в общем ряду, перечисляя известные группировки, что обитали в «подбрюшьях» города, такие как Шляпники, Мертвые угри, Банда Боттл-Стрит или наиболее часто мелькавшие в разговорах «Рычащие парни». Просто деятельность этой банды была очерчена границами Вирмвуда. Большинство жителей Дануолла, даже если они и осмеливались заглянуть в пасть опасного района, охотясь за редким антиквариатом или необычными безделушками и пребывая в блаженном неведении о черном рынке, который функционировал здесь же, никогда не слышали о местных головорезах.

Те именовали себя «Банда Шести Углов». Во главе стоял Джек по прозвищу Сделай Их. Штаб-квартирой им служила таверна под названием «Чертог Самоубийц». Дауд направлялся к ним, поскольку «Банда Шести Углов» контролировала определенный тип бизнеса, весьма популярный в их вирмвудской империи: контрабанду. Предметы искусства, украденные вещи, похищенные люди, еретические артефакты – или, например, просто старая монета, – если тебе надо было вывезти что-либо из Дануолла втайне, стоило нанимать ребят из «Шести Углов».

Если уж кто-то и знал, что произошло с Двудольным Ножом, так это Джек Сделай Их. И Дауд собирался лично побеседовать с ним.

При этом он надеялся, что не придется перебить всех собеседников, чтобы самому остаться в живых.

Дауд спустился на мостовую и направился напрямик к Вирмвудскому проезду. На протяжении нескольких дюжин ярдов он двигался в одиночку, а потом уже нет. Пара шагов, и, обернувшись, он увидел, что за ним открыто следуют двое: мужчина и женщина, оба в строгих костюмах с иголки вроде тех, что любят носить банкиры и счетоводы. Но это были вовсе не деловые люди. Толстая шея мужчины бугрилась мускулами, а усы с напыженными кончиками завивались вверх. У его компаньонки на голове красовался плотный пучок волос, а круглый воротник рубашки почти не скрывал татуировку на шее. Отвороты их пиджаков были грубо отрезаны, и зубчатый край с торчащими белыми нитями ярко выделялся на фоне темной ткани.

Было очевидно, что это наблюдатели, работающие на «Шесть Углов», которые не столько охраняли подходы к Вирмвудскому проезду, сколько следили за тем, чтобы любые события, происходящие в Дануолле, не мешали деятельности банды здесь. Должно быть, сюда уже дошли слухи о перевороте. Скоро к ним присоединилась еще пара, а потом еще двое мужчин выскользнули из дверных проемов и последовали за незнакомцем, что так смело шагал по их территории. Дауд считал это хорошим знаком: раз наблюдатели активны, «Шесть Углов» все еще действуют – а значит, есть шанс получить информацию, за которой он пришел. И получить ее вовремя, подумал он, проходя мимо выжженного остова здания по правую руку. Смотрители периодически заявлялись в Вирмвуд и поджигали дома – вялая попытка пресечь торговлю тайными и еретическими товарами. То, что они никогда не пытались нанести значительный урон, объяснялось страхом перед серьезным сопротивлением – однажды они проникли в самое сердце владений «Банды Шести Углов» и встретились с армией головорезов, которые убили десятки зрителей и прогнали прочь остальных. Со времен битвы на улице Мандрагоры – именно так называли этот инцидент – зрители резко потеряли интерес к району и никогда

не тратили достаточного количества времени и не посылали достаточно людей, чтобы вышибить «Шесть Углов» из Вирмвуда.

Пока Дауд продолжал прогулку в сопровождении уже шести человек, он размышлял, долго ли продержится существующее положение. Если Лука Абеле, герцог Серконоса, действительно провозгласил себя правителем, вряд ли Вирмвуд надолго останется неприкосновенным.

Именно поэтому нельзя было терять времени. Следовало прийти сюда, пока не нагрянула стража, получить информацию и выяснить, кто и куда забрал Двудольный Нож.

Дауд шел вперед, подняв голову и сдвинув капюшон на затылок, чтобы тот не скрывал лицо. Чем дальше он продвигался вниз по Вирмвудскому проезду, тем больше было наблюдателей разного возраста и телосложения, мужчин и женщин примерно поровну, все в куртках с обрезанными отворотами, мужчины в круглых котелках и с элегантными напыженными усами, женщины с волосами, забранными в пучки. Они стояли у дверей или подпирали стены. Они сидели на ступенях и опирались на поручни. И были они не только на уровне мостовой. Дауд поглядел вверх и обнаружил, что одни смотрят из открытых окон, а другие притаились за закрытыми ставнями.

Все они провожали глазами Дауда, пока он шел по улице в сопровождении эскорта – примерно в двадцати шагах позади. Он игнорировал наблюдателей и непринужденно шагал, глядя вперед и сохраняя жесткое выражение на лице. Он надеялся, что его манеры наметнут: он прибыл сюда не случайно, но не для того, чтобы воевать, а чтобы вести дела.

Маршрут его был длинным и прямым, четверть мили до оживленного перекрестка в самом сердце района, там, где сходилась пять улиц – две главные артерии, Вирмвудский проезд и улица Мандрагоры, и еще три переулка, образуя круглую площадь с узкими фасадами высоких зданий по краям. Самый центр ее был свободен, а по краям стояло еще около пятидесяти гангстеров, все в униформе «Шести Углов». Дауд затормозил, не в силах скрыть нерешительность. Банда очевидно пребывала в боевой готовности. В отличие от шести преследователей и тех, кто следил за ним по ходу движения, эти люди даже не пытались скрывать оружие. У каждого за поясом заткнуто было два пистолета, а из правого кулака свисал кожаный шнур со свинцовым грузом на конце. Никто не двигался и не говорил ни слова. Эскорт позади остановился, соблюдая дистанцию.

Это была Площадь Шести Углов – сердце Вирмвуда – имя которой взяла главная из здешних банд. На другой стороне перекрестка, прямо перед Даудом, высилось два здания. Одно из них – почерневшая скорлупа старого дома из щербатого кирпича, без дверей и стекол, с провалившейся крышей. Зияющие оконные проемы напоминали глазницы черепа. В отличие от руин бойни, на которой побывал Дауд, этот обгоревший скелет здания оставили здесь в память о битве на улице Мандрагоры.

Но целью визита было не оно, а здание по соседству. Пятиэтажный дом из темного кирпича, узкий фасад всего в три окна шириной. Окна были закрыты, а шторы задернуты везде, за исключением одной комнаты на четвертом этаже. Дауд сумел разглядеть двух людей, что двигались за стеклом и смотрели на улицу. Еще наблюдатели от «Банды Шести Углов».

Это здание было таверной. Весь фасад первого этажа был отделан неровной зеленой плиткой, к центральному входу вела короткая лестница между двумя широкими верандами, над большими окнами – полосатые бело-зеленые навесы. Если у таверны когда-то и было имя, Дауд не мог его вспомнить; сейчас же над входом висела вывеска, или то, что от нее осталось, – большая часть оторвана, над дверью виднеются лишь три большие позолоченные буквы с красивыми завитками: «БАР».

Дауд знал этот дом под другим именем, как и все в Вирмвуде, как и жители Дануолла, которым это требовалось, будь они офицерами городской стражи, или старшими братьями Аббатства Обывателей, или просто теми, кто вел дела, требующие помощи «Банды Шести Углов». Это был главный штаб банды и место, где жил их глава, Джек Сделай Их, тот самый

«Чертог Самоубийц». Название намекало: если ты заходишь внутрь без приглашения или не по делу, наружу живым не выйдешь.

Дауд размял шею и похлопал по правой стороне куртки в районе груди. Мешочек, закрепленный на подкладке, был на месте. Дауд не горел желанием использовать то, что внутри, но это было средство на случай чрезвычайных ситуаций. Например, таких, как эта.

Вооружившись осознанием экстраординарности момента, Дауд сжал зубы и зашел в бар.

5

«ЧЕРТОГ САМОУБИЙЦ»,

ВИРМВУД, ДАНУОЛЛ

18-й день месяца Земли, 1852 год

«Знаете, как “Банда Шести Углов” оставалась на плаву все эти годы? Ладно, я скажу вам. С помощью страха. Вот так все просто. И главарь их, Джек Сделай Их, специалист по страху – да он просто распорядитель цирка ужасов, а Вирмвудский проезд – его арена. Он понимает: чтобы заставить бояться – чтобы действительно заставить людей верить в кошмар, – просто слов недостаточно.

Страху нужна демонстрация.

Если кто-то обворует Джека, тот отрежет ему руки. Кто-то скажет слово поперек – лишится языка. А если кто-то будет сомневаться в авторитете главаря, Джек отрежет ему голову, насадит на кол и выставит в окно “Чертога Самоубийц”, чтобы все полюбовались на нее.

И все это он проделывает со своим ближайшим окружением.

Страх очень действенный инструмент. Так-то».

– «ВИРМВУДСКИЙ ПРОЕЗД И “БАНДА ШЕСТИ УГЛОВ”»

Отрывок из журналистского расследования проявлений организованной преступности

Внутри «Чертога Самоубийц» было чисто и опрятно, будто в холле приличного питейного заведения, и ничто не отличало его от любого бара для высшего общества, из тех, что заполнили более уютные районы города. Это был большой зал, с низкими балками и панелями темного дерева, с полосатой бело-зеленой обивкой на высоких спинках диванов, рядами стоявших у стен. Несмотря на то что снаружи ярко светило солнце, внутри было темно и уютно, освещение оказалось приглушенным, а большие окна, выходящие на веранду, были покрыты матовым «морозным» узором для сохранения приватности. Прямо перед Даудом, в дальней стороне зала находился, собственно, бар. Уставленные бутылками полки располагались вокруг большого зеркала. Дауд посмотрел на свое отражение и отражения двадцати голов бандитов, которые сидели в баре, – все глаза были устремлены на него.

Обзор немного испортился, когда одна из женщин «Шести Углов» подошла и встала прямо перед ним. Она подняла пистолет, уперев ствол прямо в лоб Дауда, и с силой надавила.

– Ты слишком далеко зашел.

«Добро пожаловать в “Чертог Самоубийц”», – подумал Дауд. Он посмотрел поверх плеча женщины, пробежав взглядом слова, вырезанные на коричневой деревянной панели над баром.

Белые зазубренные шрамы букв – если не брать во внимание головорезов – были единственным элементом декора, который казался неуместным в этом месте: СДОХНЕШЬ БЫСТРО.

Дауд улыбнулся и поднял пустые ладони.

– Я здесь лишь для того, чтобы выпить.

Бандитка и бровью не пошевелила. Дауд почувствовал, как кружок дула буром ввинчивается в кожу его лба.

– И что? – спросила женщина.

Взгляд Дауда метнулся по комнате. Он заметил, как пристально за ним наблюдали остальные бандиты; некоторые глядели из-за высоких спинок диванов, другие опирались на столбы из темного дерева, и все были вооружены пистолетами и дубинками. В баре не было ни столов, ни стульев – меньше самодельного оружия на случай драки – и, несмотря на множество видов алкоголя, выставленных за стойкой, никто не пил.

Дауд снова сосредоточился на зеркале, обзору все так же мешала женщина, прижимающая пистолет к его голове. Он очень осторожно наклонился вправо.

– И поговорить, – сказал он зеркалу. Конечно, оно было прозрачным с той стороны. Висящее напротив входа зеркало – идеальный способ видеть всех, кто приходит и уходит. Кто-то наблюдал за происходящим, он знал это. Может, даже сам Джек Сделай Их. Все молчали. Прекрасно. Дауд мог и подождать.

У него все равно не было выбора.

Через несколько мгновений послышался скрип, затем грохнула, закрываясь, тяжелая дверь, и из-за угла бара появился человек. У него были усы, как и у остальных мужчин, но он был намного старше, и на нем не было шляпы – редкие, седые, безукоризненно причесанные волосы блестели от бриолина. На нем также не было куртки, а рукава его рубашки без воротника были закатаны до середины предплечья и удерживались серебряными браслетами, надетыми выше локтей. Вокруг талии у него был повязан фартук в зелено-белую полоску, а через плечо висело полотенце того же цвета.

Мужчина, возможно, был старше, чем остальные головорезы, собравшиеся в «Чертоге Самоубийц», но при этом он прекрасно вписывался в состав банды. Шея у него была толстая, а широкие плечи растягивали ткань рубашки. Когда он положил руки на стойку, упершись в нее локтями, Дауд увидел бугры мышц.

– Ну?

Дауд замер. Это был Джек Сделай Их? Или бармен притворялся главарем, чтобы выявить потенциальных клиентов или жертв? Дауд ничего не сказал, вместо ответа приподняв бровь.

Бармен продолжал смотреть.

– Ты сказал, что хочешь выпить.

Дауд взглянул на женщину с пистолетом, затем сделал полшага назад и небрежно отмахнулся одной рукой от ствола. Бандитка позволила оружию упасть и посмотрела через плечо на бармена. Тот кивнул, и женщина отступила.

Дауд провел ладонью по бороде и двинулся к бару, следя за каждым своим движением, не забывая о каждом взгляде, прикованном к нему. Когда он добрался до бара, осторожно положил обе руки на стойку, держа их на виду.

– Ну, ты знаешь, что говорят в Морли, – сказал Дауд.

Бармен промолчал, продолжая сурово смотреть на Дауда. Тот видел край зеленой татуировки, сразу за краешком воротника.

– Нет, – наконец проговорил бармен. – Что именно говорят в Морли?

– Что где-то на Островах солнце всегда достаточно высоко, чтобы выпить.

Дауд выдержал взгляд бармена в течение пяти долгих секунд, которые в тусклом спокойствии «Чертога Самоубийц», казалось, длились целую вечность. Затем тот повернулся к полкам позади себя. Пристально глядя на отражение Дауда в зеркале, он вытащил со второй полки

тонкую, темную бутылку – серконский пряный ром, – затем повернулся и достал из-под стойки квадратный стакан. После этого поставил и бутылку, и стакан перед Даудом и вернулся к той же позе, в какой стоял раньше.

Дауд взглянул на бутылку. Этикетка была выцветшей и старой, но ром определенно хорошим. Он взглянул на стакан, затем снова на бесстрастное лицо бармена.

– Не тот стакан, – сказал Дауд.

Бармен промолчал.

– Серконский ром традиционно подается в высоком бокале с широким горлышком, – продолжал Дауд, – Чтобы раскрыть аромат.

Бармен все так же молчал. Дауд опустил руки.

– Конечно, ты знаешь об этом всё, южанин.

Дауд обернулся на звук голоса. Голос был женским и звучал из одной из кабинок у окна, где сидели двое мужчин, будто свитых из тех же стальных мышц, что и остальные члены «Банды Шести Углов».

Позади них, в углу дивана, сидела женщина. Она была одета так же, как и остальные, – жакет с короткими лацканами, белая рубашка с высоким круглым воротником – но, в отличие от других женщин, ее рыжие волосы были не собраны в пучок, а коротко подстрижены и смазаны воском для волос, как у бармена. На вид Дауд дал бы ей лет двадцать – двадцать пять.

Ровесница императрицы, подумал он, вспоминая побег Эмили по крышам. Казалось, прошло уже несколько дней, хотя это случилось всего несколько часов назад. Тут позади себя Дауд услышал легкий стук. Он повернулся и обнаружил, что еще один квадратный стакан присоединился к первому. Они с барменом посмотрели друг на друга, прежде чем тот повернулся и, рывком сняв полотенце с плеча, начал протирать полки под зеркалом. Женщина засмеялась.

– Ты собираешься стоять там, с таким видом, словно готов разорвать всю городскую стражу голыми руками, или присоединишься ко мне с выпивкой?

Дауд облизнул губы, его взгляд снова метнулся по комнате. Все, кроме бармена, все еще следили за ним. Он схватил бутылку и два стакана и подошел к кабинету. Встал у стола и посмотрел на женщину, не обращая внимания на двух бандитов.

Она кивнула, и головорезы встали и ушли, а кожаные сиденья будто вздохнули, освободившись от веса, им вслед. Дауд поставил бутылку и стаканы и устроился на диване напротив. Мгновение они смотрели друг на друга, и на губах женщины играла легкая улыбка.

Дауд потянулся за бутылкой, вытащил пробку и налил в оба стакана лучший карнакский ром. Толкнул один стакан в сторону женщины, а затем поднял свой и осушил его одним глотком. Он почувствовал, как жидкость коснулась языка и горла, наполнив глотку огнем и нотами кофе и ванили. Наполнив свой бокал во второй раз, он не выпил. Вместо этого он кивнул своей собеседнице.

– Джек Сделай Их, я полагаю?

Не обращая внимания на стакан перед собой, молодая женщина подняла бутылку с ромом и сделала длинный глоток, глядя на Дауда. Затем вернула бутылку на стол, но не выпустила горлышко.

– Правильно полагаешь.

Дауд поднял свой стакан и отсалютовал собеседнице, затем снова осушил его в одиночестве.

– Угощайся, – сказала Джек. – Выпивка за счет заведения.

Дауд кивнул в знак благодарности.

– Потому что, когда ты закончишь, – продолжила Джек, – тебе придется придумать очень вескую причину, почему я должна позволить тебе уйти отсюда живым.

«ЧЕРТОГ САМОУБИЙЦ»,

ВИРМВУД, ДАНУОЛЛ

18-й день месяца Земли, 1852 год

Что делать с пьяным «китобоем»?

Что делать с пьяным «китобоем»?

Что делать с пьяным «китобоем»?

Рано-рано поутру?

Скормить ли стае крыс голодных?

Иль горло вскрыть ножом холодным?

Или пулю в сердце? Кисть, не дрогни,

Рано-рано поутру.

– *«ПЕСНЯ ГАРПУНЕРОВ»*

Отрывок из сборника матросских хоровых песен

– Джек, я здесь не для того, чтобы драться, – сказал Дауд.

Джек снова запрокинула бутылку. Дауд наблюдал, как она пьет, эта крошечная бледная рыжеволосая женщина. Действительно ли она Джек? Дауд поворошил старые воспоминания о своей жизни в Дануолле. Насколько он помнил, главаря «Шести Углов» еще тогда звали Джек Сделай Их – эта традиция сложилась задолго до того, как его собеседница появилась на свет. Это имя, должно быть, передавалось от главаря к главарю, подобно титулу.

Нет ничего лучше для ведения дел, чем преемственность. А для жителей Вирмвудского проезда и «Банды Шести Углов» дела были превыше всего.

Молодая глава банды и убийца-изгнанник молча сидели за столом и пристально смотрели друг на друга, и бутылка серконского рома опустела уже наполовину. Дауд сохранял сдержанное, безразличное выражение на лице, а девушка глядела на него исподлобья, склонив голову.

Потом Дауд запустил пятерню в бороду, не снимая перчатки. Ему это нравилось – помогало думать.

В конце концов Джек сказала:

– Я передумала.

Дауд поджал губы:

– На тему чего?

– Мне не нужна всего одна веская причина, чтобы не выпустить тебе кровь на пороге этого дома.

– Да?

Ладонь Дауда нащупала горлышко бутылки. Джек наклонилась к нему над столом и положила свою руку на его перчатку. У нее были тонкие, изящные пальцы с коротко остриженными ногтями. «Чтобы удобнее было драться», – подумал Дауд. Он посмотрел ей в глаза, а Джек мягко вытащила бутылку из его захвата.

– Нет, – ответила Джек. – Мне понадобятся четыре веские причины.

Дауд засмеялся. Из его груди поднимался низкий звук, будто где-то там внутри пересыпали гравий. Ох, почему это разговор оказался таким сложным?

– Это точно?

– От тебя зависит. Может, и пять.

Дауд откинулся назад и вздохнул.

– Я уже сказал, что не собираюсь драться. И у меня всего один аргумент, чтобы ты меня не убила, но тебе он понравится.

Произнеся эти слова, Дауд запустил руку во внутренний карман куртки и извлек наружу маленький кожаный мешочек, выудил оттуда и выложил на стол один маленький слиток из розовато-белого металла. Он был размером примерно с монету-десятку, только в два раза толще, и на девяносто восемь процентов состоял из чистой платины. На него ушла изрядная часть денег, на сбор которых Дауд потратил годы, и если раньше они хранились в безопасных убежищах по всей Империи, то теперь обрели материальное воплощение. Теоретически убийцу можно было назвать богачом. Практически эти слитки были альтернативной формой для расчетов, не такие удобные, как наличные деньги, но подходящие в ситуациях, подобных этой.

Джек быстро посмотрела на стол, потом снова на собеседника. Она подхватила слиток, взвесила в руке, потом перевернула. На обратной стороне виднелись полукруг и вилы. Слиток выскользнул из пальцев Джек и упал на стол.

– Воруешь у зрителей?

Дауд пожал плечами:

– Это имеет значение?

– Нет, если они не захотят свои деньги обратно.

– Так расплавь его. Мне наплевать. Я здесь по делу.

Не обращая внимания на слиток, он плотно затянул шнурок на мешочке и толкнул его по столу в сторону Джек.

– Здесь плата за ваши услуги – более чем достаточная.

Джек снова подняла голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.